

+6

0+7

0+8

0+9

1

ТЯГА НЕБЕСА

+6

0+7

0+8

0+9

1

Александр Павлович Байбак
Тяга и небеса.
Горячий ветер степей
Серия «Военная проза XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74320906
ISBN 978-5-00155-936-8

Аннотация

Современный роман о войне, жанр которого так же трудноопределим, как жанр самой жизни. Трагедия? Мистическая байка? Фарс? Героический эпос?

Истории персонажей сливаются и расходятся, как дороги, чтобы вновь сойтись в одной, самой драматической точке. Но определить эту точку так же сложно, как выбрать, кого из двух раненых друзей эвакуировать первым: Тяга лучший в мире водитель квадроцикла, но есть только одно пассажирское место...

Работа и жизнь специалистов по радио-электронной борьбе, ведущих тяжелую войну в небе, полном дронов – важная, но не главная тема этой книги. Главные ее темы – отвага, человечность и люди, искренние и душевные, злые и сильные, способные на многое ради того, во что они верят.

Содержание

Вступление	5
Часть 1. Командир	12
Вука и Чернота	12
Часть 2. Кошмары, которых не было	26
Радиодемон	26
Урочище	34
Зубастик	47
Тяга	56
Медвед	77
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Байбак

Тяга и небеса

Горячий ветер степей

© Байбак А., 2026 © Абеленцева А., (худ), 2026

© ООО «Яуза-каталог», 2026

В оформлении обложки использована работа *А. Абеленцевой*

Вступление

В отличие от начала СВО, заполненного сумбуром, непониманием и моментальным лишением огромного количества привычных сервисов, день объявления мобилизации я помню очень хорошо.

С утра меня разбудил звонок бывшей, сбивчиво поинтересовавшейся, видел ли я новости. Как понимаете, я довольно быстро нашел причину ее беспокойства. Отнесся, конечно, с пониманием и почему-то четким осознанием того, что я попаду под эту свистопляску. С мрачным спокойствием я пошел на работу, задаваясь лишь одним вопросом: почему с утра не обнаружил повестку в ящике? Впрочем, к обеду меня осенило, что, скорее всего, военкомат не придал значения данным, которые я, конечно, добросовестно подавал при переезде, и бомбит повестками старое место жительства. Один звонок – и да, вот она, родимая. Сверка документов от 19 сентября.

Решил тогда не томить, отпраился у начальника, забрал со старой квартиры повестку. Приехал в родимый военкомат, выглядящий в лучших традициях фильма «ДМБ». Послушал истерики тех, кто выходил от военкома, дождался своей очереди, получил порцию лапши на уши. Ну, вот это, знаете: «на полгодика, пока ситуация не стабилизируется, будете в тылу, защита объектов, территориальная оборо-

на»... Вежливо попросил дать отсрочку на пару дней: пристроить котика, закрыть важные вопросы по работе, пови-даться с родителями. Гнетущее, конечно, чувство, смешан-ное с легкой надеждой, что все-таки не обманули, растоптан-ной омерзительный жирным военным полицейским, грузив-шим нас на эшелон. «ШЕВЕЛИТЕСЬ, МЯСО!» – истошно орал толстяк, оставив гадкое склизкое осознание того, кем нас видят. Правда, оно быстро смылось общим гневом, с ко-торым его обматерила огромная толпа мобилизованных му-жиков, и общим весельем, когда жирдяй был осмеян и по-гнан в свою конуру.

Тогда нами все же владели бравурные настроения, жива была надежда: мы сделаем что должно – и вернемся. Тем сильнее меня тошнит от того, что все контакты, которыми я тогда обменялся с людьми в вагоне, теперь висят с пометка-ми либо «контакт удален», либо «был давно». Я несу в себе боль от того, что люди, давшие тогда отпор быдлу, по неле-пости судьбы носящему погоны, больше не могут смеяться и радоваться жизни, пролив кровь на войне.

Со временем ситуация стабилизировалась. Некоторых мо-билизованных даже учили, некоторые учились сами. Я по-пал в обе эти группы, оказавшись по распределению в бата-льоне РЭБ¹. Постепенно обрастая багажом знаний, я начал заводить хорошие знакомства и слыть приемлемым специа-листом – и даже, вопреки расхожему мнению, рос в звании

¹ РЭБ – радиоэлектронная борьба (здесь и далее прим. ред.).

и должности, пока не уперся год назад в закономерное «хочешь расти – пиши контракт».

Могу сказать даже, что я везунчик, потому что мое приближение к передовой, в отличие от бойцов многих других подразделений, происходило постепенно, давая возможность адаптироваться. Начал я издалека, работал на огромной мотолыге с навесными глушилками и перехватчиками связи километрах в 20 от ЛБС². Потом перебрался поближе, сократив расстояние в два раза, потом еще в два раза, получив лошадиную дозу адреналина, попав по «Бабе-яге»³, и, к собственной гордости, пожиная плоды своей учебы – довольно успешно глуша вражеские БПЛА⁴. Затем мне повезло еще раз: после очень напряженного выезда меня отправили в тыл, где, в общем-то, от войны было только засилье военных и посты с очень хорошо вооруженными воинами, поймавшими всякое. Тогда, кстати, было модно брать Бахмут, кидать «джамбо» и носить символику одного «оркестра».

Тот «отпуск в тылу», пожалуй, был самым спокойным в моей службе. Пилили лес, рыли блиндажи, жрали мороженое, кокетничали с деревенскими девчонками (нет, попрошу без всяких инсинуаций!). А дальше... Дальше обо мне вспомнило командование.

² ЛБС – линия боевого соприкосновения.

³ «Баба-яга» – жаргонное название крупного агродрона, переносящего большое количество взрывчатки.

⁴ БПЛА – беспилотные летательные аппараты.

Меня тогда отправили в село Первомайское, на границу Харьковской области, где я и начал работать на износ. Бесконечные 12-часовые смены дежурств, забеги за топливом на несколько километров, кассетки⁵, прилетающие по блиндажу и подвалам, миномет, пристрелянный по колодцу. Стоило зазеваться на минутку – и все, смерть.

Там я и познакомился с Механиком.

Пожалуй, при слове «учитель» у всех в голове появляется стереотипный образ. Строгая дама в костюме, очки, указка, тугой узел волос на голове. Массмедиа сделали его привычным.

Но я могу сказать, что учитель – это нечто большее.

Учитель вкладывает в нас частицу себя, не требуя ничего взамен. Ничего, кроме, скажем так, принятия этой частицы.

На «гражданке» у меня было несколько наставников, учивших меня, как быть мужчиной. Старший брат, который в тяжелый этап жизни подкидывал мне работу и постепенно вправлял мозги. Отчим, ставший образцом принятия ответственности, твердости взглядов и ума. Знакомый из Питера, который показал, как ценна эрудированность: гуляя по городу, он давал историческую справку по каждой улице, предлагал задачки в духе «найти по старым фото современные улицы» северной столицы.

⁵ «Кассетка» – боеприпас с «кассетной» начинкой, представляющей собой большое количество мелких поражающих элементов. При взрыве разлетается с характерным треском и обладает большим радиусом поражения.

На войне у меня был один наставник. Суровый вредный мужчина за 40. Его у нас не любили. Слишком суровый, слишком знающий себе цену, слишком требовательный. Очень ответственный.

Из его отделения бежали люди, и с ним на задачи отправлялись по жеребьевке. Бескомпромиссность его отношения многих отпугивала. Он из тех людей, кто без страха орет на 25-летнего мастера спорта по боевому самбо, открыто критикует косячника и требует беспрекословного и моментального выполнения своих обязанностей. Оставаясь при этом хитроумным и опасным человеком.

Прошлым летом я в жребии не участвовал из принципа, и меня, тогда еще рядового, закономерно отправили с ним на задачу. Сказать, что мне навешали лапши про него, – ничего не сказать, этому есть даже занятное определение: «слонячье радио». Солдатско-сержантский состав может по уровню сплетничанья переплюнуть бабулек на лавках.

Не скажу, что все прошло тихо и мирно. После выполнения задачи мы с ним долго и упорно орали друг на друга, обвиняя во всех смертных грехах и недалекости. Тем не менее следующие полгода мы ходили на задачи только вместе. Остальные по разу, по жребию. Но мы с ним вместе. В ругани, на отдыхе, в бесконечных уже даже не подколках, а жестких подколах мы каким-то образом умудрялись максимально эффективно выполнять и перевыполнять все поставленные задачи. Обычно я занимался тяжелой физухой. Тягал ге-

нераторы, выставлял оборудование, носил с разгрузки еду и топляк, бегал за водой.

Но в какой-то момент я понял, что знаю огромный объем новой, прикладной информации о нашей технике, умею разворачивать любую станцию, имевшуюся в моем распоряжении.

Оборачиваясь назад, я понимаю, что он, несмотря на вредный характер, жесткость и порой чрезмерную язвительность, реально пекся о своих подчиненных. Всегда первым выходил на боевые позиции. Во время обстрела сам лез заниматься ремонтом оборудования. И ненавязчиво, но настойчиво вкладывал свои знания в нас. В меня. Кто-то не принимал это и так и не сработался с ним. Мне удалось. И, честно говоря, сейчас я понимаю, что я стал одним из самых успешных комодов⁶ в подразделении, опираясь на его пример.

И однажды, когда он переводился и его не хотели отпустить из подразделения (дескать, кто вместо тебя по сложным точкам будет ездить?), он и похвалил меня, и подложил свинью: «Вон у вас Байбачелло есть, не хуже меня справится, а с людьми ладит даже лучше». Как же я «втухал»⁷ потом из-за этой сомнительной рекомендации и необходимости держать марку...

Так или иначе, именно благодаря этому человеку я стал лучше, немного подрос в звании (с рядового до целого сер-

⁶ Комод (*жарг.*) – командир отделения.

⁷ Втухать (*сленг*) – напряженно работать, перенапрягаться на работе.

жанта, между прочим) и наполучал столько задач, что по итогу без продыху почти два с половиной года проработал на позициях без ротации, видя тыл только по пути в редкие отпуска.

Долгий срок работы и ее специфика, а именно постоянные разъезды по позициям сослуживцев, поддержка других подразделений, долгое сидение на своих точках ответственности, позволили мне собрать огромный багаж историй. Некоторые из них печальные, некоторые – забавные, какие-то откровенно жуткие. Все они отдают горечью огромного количества мужчин, живущих и выживающих на войне. Отдельным местом в моем сердце так и останутся парни, с которыми я служил, для которых, надеюсь, я сделал что-то хорошее, помог им разобраться в работе или, к сожалению, запечатлел их подвиг в посмертии.

Часть 1. Командир

Вука и Чернота

Вука определенно был не самым большим везунчиком.

Понятное дело, он попал на войну, штурмовал, страдал, но так уж совпало, что он оказался весьма талантливым диверсантом. Поначалу в его задачи входило только забраться куда-то, навести шороху, уйти. Дальше его тройка начала уже полноценно занимать позиции, всяческими ухищрениями скрывая от врага факт перехода той или иной точки под наш контроль.

В тот раз им поручили завести группу других диверсантов в посадку, где вражеские наймиты устроили бойню среди зазевавшихся солдат, поотрезав головы бойцам. Просто завести... Легко сказать, вот только образ изуродованных лиц дальних знакомцев, когда они прибыли на точку, вызывал тошноту и глухую ненависть.

Группа, которую они провожали, тоже настроения не поднимала. По ним сразу было видно, что это хорошие спецы. Аккуратные, дисциплинированные, выносливые. Ни грамма лишней экипировки, полное понимание, разговоры только по делу. С кем бы они ни пытались заговорить, все отмахивались, не шли на контакт.

Их старший, мутный тип с пафосным позывным Чернота, явно входящий в окружение командования, вообще не общался, а когда добрались до места трагедии, абсолютно безразлично подошел к развешанным на дереве головам солдат, буднично осмотрел, снял растяжки, о которых Вука даже не подумал бы, и начал со своим подчиненным снимать головы так, будто они просто срезали фрукты. Содрали с крюка, кинули в пакет, повторили.

– Мрази, – Вука еще и сам не понял, включил ли он в эту фразу мордоворотов Черноты или только хохлов, но один из диверсантов бросил на него взгляд и издал странный гортанный звук, в каком-то смысле похожий на усмешку.

– Что, с мертвечиной, что ль, церемониться? – голос у него был неприятный, гундосящий.

– Та я не вам. – Сережа не стал накалять обстановку, но гундосый смежник все прекрасно понял, мерзко ухмыльнулся и завязал пакет, в который складывал останки.

* * *

Серая зона – место жуткое. Колоссальное пространство, заполненное ложью, подтасовками со всех сторон, сомнительными договоренностями, залитое кровью последствий чьих-то попыток выслужиться. Обе стороны пытаются обмануть друг друга, попутно обманывая и себя.

Нередки случаи, когда на разных концах посадки сидит

по отделению враждующих сторон, искренне уверенных, что это свои.

Враг со всех сторон, свои тоже, практически нулевая видимость посреди «тумана войны». Серая зона мне видится чем-то подобным той самой «долине смертной тени» из псалма, где костлявая приходит внезапно, жестоко, и ее силуэт всегда нависает над солдатами обеих армий.

Снабжение ногами здесь превращается в жуткую кавалькаду перебежек, пота, усталости и нервного напряжения. Невозможно ослабить бдительность, не обладая информацией о том, как сместились позиции врагов и друзей, полагаясь лишь на невесть когда обновленные точки на электронной карте...

* * *

Вука сидел на «нуле», ожидая возвращения группы Черноты. Ребята из его тройки унесли жуткие пакеты в тыл, а он и Чернота ждали возвращения группы. Его старания заговорить ни к чему не привели: Вука был осмотрен безразличным взглядом, получил в ответ тяжелый вздох и оставил тщетные попытки, вперившись в поле через тепловой монокуляр.

Серо-черная картинка тоже особо не радовала глаз. Серега откровенно скучал, но продолжал добросовестно осматривать пространство вокруг.

В какой-то момент ему показалось, что мешанина узоров в тепловизоре слегка изменилась с предыдущего осмотра. Он замер, вглядываясь, пытаясь понять, что видит. Невнятно промычал, привлекая внимание Черноты. Старший диверсант еще до того, как посмотрел, ответил ему:

– Не подавай виду, что их засек. Смотри дальше в сторону. Стрелять не будут, им неизвестно, что нас тут только двое.

– Давно они тут уже?

– Я минуты две назад увидел, четверых насчитал.

– Что делать?

– Тебе? Ничего. Ты хорошо смотришь. Вот и смотри себе.

Чернота поднялся, потянулся, демонстративно снял каску, прошелся рукой по волосам, размялся, сел обратно, принял расслабленную позу, но Вука четко услышал щелчок предохранителя «Вала»⁸, будто случайно оказавшегося на коленях у бойца.

Тем временем, вода по полю монокуляром в обычном режиме, без теплака, Серега в сумерках уже четко различал четыре завернутые в пончо фигуры, явно рассчитывавшие добраться до них ровно к наступлению ночи. Дико, конечно, смотреть на охотящихся на тебя людей. Понимать, что они ползут убить тебя. Хотелось открыть огонь, разрушить это томительное ожидание, но Вука четко следовал команде

⁸ «Вал» – специальный бесшумный автомат, индекс ГРАУ 6П30, калибр 9 мм, длина с прикладом 875 мм, прицельная дальность с различными прицелами до 420 м, разработан во второй половине 80-х годов.

и изображал из себя дебила, впустую водящего взглядом по полю.

– Чернота. Можно вопрос?

– Чего тебе?

– У меня глюки – или в поле еще...

– Да. Не паникуй, просто води себя так, как будто все хорошо.

* * *

Диверсант полз к посадке, где они давеча устроили казнь, а теперь сидели в дозоре, а на виду у него торчали два вальяжных идиота, с умным видом осматривающие поле и не видящие у себя прямо под носом подбирающуюся смерть. До них оставалось каких-то метров 200, когда рука противника опустилась не на сырую землю, а провалилась в приямок, накрытый... тканью?

* * *

В теплаке это выглядело так, будто диверсанта резко затянули под землю. В тот же момент из других укрытий выскочило по несколько бойцов, накинувшихся на остальных диверсантов. В ход пошли удары прикладами, удавки, удары ногой в лицо, переломы локтей. Мощно, жестко, настоль-

ко последовательно, что у Вуки это вызвало ассоциацию, будто бойцы Черноты назубок выучили список действий и по пунктам выполняют его. Обезоружить, прижать к земле, удар тяжелым берцем в лицо, сразу же удар прикладом по голове, перелом правой руки, перелом левой руки, удавка на шею – и потащить к посадке. Аж мурашки по коже. Не далее как через три минуты стонущих пленников заволокли в блиндаж. Стонали не все.

– Один сдох, – из-под маски донесся знакомый гундосый голос. – Прости, начальник, сильно его приложил по голове, – боец раздраженно пнул бездыханное тело, – везунчик хренов.

– Ну, значит, оставь им посмотреть. Привести этих чмошников в чувство, чтоб говорить могли. Обезбол, если надо, их же вколите, только не весь. Снарягу перебрать, полезное рассортировать, личные вещи мне.

* * *

Трое пленников были разные. Вука мельком заглянул в закуток с ними. Один хорохорился, гордо смотрел в глаза Черноте и гундосому, хотя периодически кривился от боли. Другой в ужасе смотрел на труп сослуживца, брошенный ему на колени, третий постанывал и бредил.

– Итак, – начал Чернота, – у нас есть два варианта развития событий. Хороший: вы отвечаете мне на простые вопро-

сы, а именно: где ваше подразделение, сколько вас и как работают патрули – и вас оставляют в покое. И плохой. Я бы предпочел плохой, но, заверяю вас, он очень болезненный.

Таким живчиком Вука не видел командира диверсантов. Он прямо раззадоренно описывал, что товарищ рядом с ним – это на «гражданке» очень неплохой реаниматолог с полной сумкой лекарств, специально подобранных так, чтобы как можно дольше держать человека живым и в сознании. Что он очень ждет ответа пленников.

– Иди ты на х...й, москаль! – хорохорящийся попробовал плюнуть в Черноту, но плевок противно повис на губах, и пленник скривился, обнажив осколки передних зубов.

– Отличный выбор! – Чернота торжественно хлопнул в ладоши, резко поднялся.

Вука не любил допросы. Ясное дело, это нужно кому-то делать, но все же ему претило подобное, так что он благоразумно свинтил к себе в нору.

* * *

Несколько дней спустя Вука сидел в блиндаже, грустил, смотрел какой-то несмешной сериал с закадровым смехом. На экране телефона высветилось оповещение от Кола. «Зайди». Коротко и безапелляционно, обычно так вызывали перед задачей.

Блиндаж командира находился на окраине лагеря, слегка

даже на отшибе. Уютное просторное обиталище, где жил Кол – и параллельно собирались командиры отделений на совещания. В углу гудела печка, а сам хозяин сидел в майке и шароварах с комично смотрящимися на его огромном лице очками и настукивал что-то на клавиатуре своего любимого уставшего ноутбука.

Кол жестом пригласил Вуку присесть и продолжил стучать толстыми пальцами по кнопкам.

Минут десять Сергей молча прождал, пока Кол наконец выдохнул, клацнул мышкой и захлопнул крышку компьютера.

– Тааааак, – протянул здоровяк и устало протер глаза, – ну, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Ну как же. Все выкладывай.

– Блин, Кол, че ты как девка жеманная? Че случилось?

– Эхе. Грамотно дурачка включаешь! Ну, поведай мне, Сереженька, чем это я тебя так обидел, что ты за спиной подсуетился и сбежать из подразделения удумал?

Вуку как ушатом ледяной воды облили.

– Чееее?

– Не чекай мне тут! – Кол сердито зыркнул на него и, удив из-под стола файллик, протянул Сереже. – На вот, приказ о переводе подписан, наслаждайся! Только я не пойму знаешь чего? Почему к ним? Я бы только рад был отправить тебя в тыловые подразделения какие-нибудь. Правда, вот не

дадут соврать, когда солдаты суешили и переходили в тылы, я им на прощание руки жал только! Но к Черноте?! Я понимаю, у тебя работа сложная... Не перебивай! Сложная, значит, работа у тебя, да, но не могла же она тебя в одночасье любителем карательных процедур сделать, а? Вот ответ, нахера туда?

Офигевший от новостей и наезда Вука нервно изучал выписку из приказа о его переводе, непонимающе переводил взгляд на начальника, тупо мычал и пытался сформулировать мысль. Получалось вяло.

– Это... Кол, я не... Я не просил о переводе. Я, наоборот, эта... Хотел подальше от них. Они крутые, спору нет, но странные все и жуткие.

– В смысле «не хотел»? А вот это все само собой появилось?! – командир ткнул пальцем в листок, который Вука мял в руках.

– Шеф, я тебе правой рукой клянусь, я не просил – и вообще речи об этом не шло!

Кол поменялся в лице. До этого сердитое, немного расстроенное и какое-то разочарованное, оно на секунду потеряло всякое выражение, Кол, походу, ловил связь с космосом. А потом его лицо резко побагровело, глаза нехорошо прищурились.

– Ясно все с вами. На ключи, иди грей «Ниву» мою. Прокатимся.

Кол водил, как араб. Благо соблюдение ПДД так близко к

передовой контролировать некому, так что его агрессивная манера езды была даже кстати. Здоровяк крутил баранку, посылал в пешее эротическое постовых, требовавших пояснить цель передвижения, глухо матерился и клялся «проломить голову мазаному уроду».

Лагерь людей Черноты был под стать его хозяевам. Аккуратный, тщательно замаскированный, издалека выглядел как несколько холмиков, присыпанных сором. Кол фурией влетел в блиндаж, оставив Сережу в одиночестве наверху, впрочем, ненадолго.

– Че встал, как истукан? Заходи реще! – донеслось снизу.

Блиндаж был впечатляющим. Вука, хоть и сам довольно дисциплинированный, с удивлением оглядывал идеальный порядок, царивший внутри. Аккуратно убранные спальные места, ровные стопки личных вещей. До абсурда чистый дощатый пол. И жители. Тихо сидящие на лавках вдоль стен, мертвецки спокойные, бросающие мрачные взгляды на гостей.

И посреди блиндажа напротив набычившегося Кола стоял Чернота с лицом, выражающим легкое раздражение.

Кол без прелюдий начал орать. Темпераментный великан высказывал все. И с какого перепугу его бойца без его согласия забирают, потом прошелся по вхожести Черноты в близкий круг командования, в ярких красках пояснил, на каких местах он крутил хотелки диверсанта, и под конец тирады, слегка успокоившись, твердо заявил, что Чернота может хоть

всю жизнь стоять раком, но ни один из его бойцов против собственного желания не будет переведен к нему в подразделение.

Чернота почти всю речь слушал с видом отрешенным, игнорируя выпады великана, но вот на крайнюю фразу среагировал:

– Желания, Кол? Какие такие желания бойца?

– Он не хочет к тебе, и все тут.

– А я его не спрашиваю, у тебя он губит свой потенциал, у меня же будет работать с лучшим КПД. А чего он хочет, мне не важно, я вижу, что он не реализуется на сто процентов. Ты же не хочешь, чтоб вещи работали лишь наполовину?

Кол впал в ступор. Попытался что-то сказать, замялся. Вука впервые видел командира таким ошеломленным и таким взбешенным.

– Черный. Ты ебанулся? Какие «вещи»?! – Кол двинулся к командиру диверсантов. – Какой, на хер, КПД?! Они люди, живые и несчастные! Ты о чем вообще, какая эффективность, ты какого ляда говоришь о моем человеке как о ссанном станке?!

Кол дернул Черноту за шиворот, диверсанты ожидающе глянули на своего начальника, но тот вальяжно махнул рукой, и местные жители расслабились.

– Ты рассуждаешь в категориях, которым здесь не место, Кол. Здесь война. Работаешь на все сто – или...

Черноту прервал шум от входной двери, и в блиндаж ввалился запыхавшийся худощавый дядька в чистой форме в сопровождении двух амбалов. Вука видел его разок: адъютант командира полка.

– Отставить! Бойцы, прекратить! Отпусти его! – голос у адъютанта, несмотря на худобу, был знатный. Командирский.

Кол послушался, злобно зыркая на Черноту.

– Какого хрена весь полк на ушах? – продолжил адъютант. – Почему мне с постов докладывают, что командир штурмового взвода едет на расправу к ДРГшникам? Вы вообще берега попутали? Закон вам, оглоблям, не писан?! С хера ли я должен подрываться и ехать вас разнимать? А? ОСЛЫ! Вы какой пример личному составу подаете, долбоебы?! **ВСЕ КОНФЛИКТЫ РЕШАТЬ В ССАНОМ УСТАВНОМ ПОРЯДКЕ!**

– Не ори. – Кол прочистил ухо. – Вы почему моего бойца забрать у меня разрешили?

– А тебе какое дело? Есть приказ, пусть выполняет.

Вука поджилками ощутил, что вечер перестает быть томным окончательно, и попробовал вмешаться:

– Кол, может, ну его, переводят пусть... все, молчу, молчу! – Командир глянул на него взглядом, в котором шла бегущая строка «ЗАТКНИСЬ».

– Слушай сюда, ты, мальчик на побегушках, – процедил рыжий. – Мой солдат никуда не пойдет, пока сам не захо-

чет. – Он достал из кармана выписку из приказа и медленно порвал на глазах у обалдевшего штабиста.

– Ты совсем страх потерял, Кол! За самоуправство будут последствия!

По блиндажу пронесся неприятный гаркающий звук. Скрипучий. Надсадный. Чернота абсолютно искренне смеялся.

– Какие последствия? Что ты, человек в офисе, на передовой можешь ему или мне сделать?! В шторма перевести? Из штормов?! Мы и так, маленький человек, ходим туда, куда не пойдет никто! Куда хуже этих мест ты можешь нас отправить?!

Вот от этого адъютант стушевался. Действительно, что он может противопоставить людям, у которых осталась только жизнь, которой они рискуют на ежедневной основе, и чувство собственного достоинства? Еще больше риска? Это невозможно, как запихнуть 25-й час в сутки, просто невозможно.

– Езжай обратно, штабной, пожалуйся на меня и отменяй приказ. Или пиши новый, объясняйся, как хочешь, я все поясню. А с этим, – Кол кивнул на Черноту, – мы свои конфликты сами решим, без сопляков.

Когда они покидали блиндаж, Чернота окликнул Кола.

– Еще раз на меня руку подымешь, я отвечу.

– Не сомневаюсь. Еще раз попробуешь моего человека увести, подниму.

Они уселись в машину, Вуке было беспокойно, и он, невзирая на строгий запрет командира курить в его «Ниве», достал сигарету.

– Не нервничай, Серый, не заберут тебя. – Кол проигнорировал облако дыма, которое выпустил подчиненный.

– Точно?

– Да, им такой мороки не надо, я хоть и не такой мазанный, как эти вот, но вес имею, да и результатов у нас с вами больше, хоть и не таких, как у Черного.

– Спасибо, что впрягся.

– Да говно вопрос. Я вас на смерть веду или не я, в конце концов? Мне за вас отвечать.

Часть 2. Кошмары, которых не было

Радиодемон

Чувство тревоги, которое накрывает, когда слушаешь белый шум, частенько играет злую шутку с тем, кто пытается вникнуть в причины этого.

Вот я сижу в гудящей мотолыге⁹ в наушниках, в которых шипит статика, бесцельно покручиваю верньер и вникаю. И слышится мне смешение всех возможных звуков, неосознанное, настолько хаотичное, что становится ровным. Все смешивается здесь. От реликтовых волн Вселенной до смещения радифона от радиостанций. Соприкосновение великого нерукотворного с изобретениями человеческими, близкими и материальными.

Спектр – он один на весь мир, и под миром я подразумеваю не наш, безусловно, прекрасный, но такой никчемный в формате космоса голубой шарик. Нет, он пронизан эхом явлений настолько великих, что даже укладывая их определения в тома с формулами и расчетами, человек не в состоянии в полной мере осознать их. И главный мой иррациональный

⁹ МТ-ЛБ – многоцелевой транспортер-тягач легкий бронированный.

страх в моменты работы на аналитической установке – осознать порядок там, где его не должно быть.

Я слышал, как препираются вражеские солдаты по рации, игнорируя простейшие правила радиогигиены, по рации же обсуждают сериал. Похожие разговоры с нашей стороны. Но эти частоты предсказуемы, они ОБИТАЕМЫ, на них есть потрескивание ретрансляторов, эхо далеких раций, случайно зажатые кнопки, отчего слышится разговор, не предназначенный для чужих ушей, иногда залетный радиолюбитель начинает ставить радиоспектакль там, где не следует. Порой слышится общая автоматическая передача. На отдельных частотах всегда можно встретить «жужжалку», еще одно творение рук человеческих. Если повезет, то можно расслышать вместо нее автоматическое сообщение. Спектр живет.

Но иногда... Иногда пустой эфир, проверяемый наскоро, в большей степени отдавая дань уважения регламенту, чем из соображений необходимости, на долю секунды, что бегунок проходит по частоте, оставляет в ухе эхо. Тошнотворное, ледяное, обручем сковывающее разум, но, вернувшись туда, слышишь только белый шум. И да, первые разы ты убеждаешь себя, что человеческий голос ты услышал по ошибке, тебе просто показалось, что нет тех, кто будет общаться здесь. Просто потому, что это неудобно, нерационально, неэффективно. А потом успеваешь остановить бегунок на той сотой доле миллиметра, где тебе послышалось нечто на йоту более упорядоченное, чем вибрации статики.

Представьте, как звучит человек, говорящий сквозь подушку. А подушка соткана из помех вечного шипения. Слова неясны, различны лишь интонации, длина слов, какие-то детали тембра голоса, сдавленные, скомпрессированные, мутные. Голос декламирует торжественно, утробно, неясно, что он говорит, слышно лишь, что он торжествует, будто выступая перед огромной толпой. Срывается на крик, переходит на ровный тон, и поначалу мне кажется, будто я просто еще один слушатель, мне занятно и интересно. Но потом он замолкает – и неясное чувство страха окутывает меня, словно я ощутил на себе внимание в ночном лесу, словно в пустой квартире скрипнула половица, словно живу на 20-м этаже и услышал стук в окно. Только я, гул статики, урчание генератора на мотолыге. А потом сердце пропускает удар, наушники сбрасываются с ушей, руки шарят по приборам, чтоб скорее добраться до спасительной «живой» радиочастоты, где есть хоть что-то, где есть свет человеческих приборов, где есть голоса, неважно, чьи, где есть след цивилизации. Потому что в ту секунду, когда я уже потянулся к ручке настройки, решив, что больше ничего не будет, в левом наушнике раздался звук. Незамутненный статикой, четкий и ясный, какой издал бы криво ухмыльнувшийся мужчина. Короткий басовитый смешок. Четкий настолько, что, если бы не привычка различать слои звуков, я бы подумал, что у меня за плечом кто-то стоит. Смешок, оставивший чувство, что я слишком долго смотрел в бездну – и она обратила

на меня внимание.

Бешено колотящееся сердце, липкий холодный пот, тяжелое дыхание в спертom операторском отделении машины – и неприятный зуд ушей, запервших под старенькими наушниками.

Всего три утра, еще целых два часа дежурства, пока не придет сменщик, два часа в металлической камерке, которые тянутся будто сутки, вязким склизким комом. Оставляя меня наедине с чувством, словно я был там и слышал то, что мне не предназначалось.

– Да ладно тебе, Санечек. Завтыкал просто. Я знаю эту штуку, типа как всякие сторонники альтернативной истории видят в наскальных рисунках танки, вертолеты и вот это все не потому, что они реально существовали в древности, а потому, что это привычные образы.

– Апофения называется.

– Во, точняк. Иди спи, ты весь зеленый с недосыпа.

Мы сидели рядом с остановленным на отдых генератором, курили и тупили в ласковый летний восход. Я втыкал с недосыпа, а мой товарищ, механик Ерш – спросонья. Кое-как послушав о произошедшем, он покрутил пальцем у виска и выдал тираду, что целый месяц по 8 часов в день слушать статику с периодическими перерывами на прослушивание мовы в эфире кому угодно протрет крышу так, что она потечет. Я согласно поворчал и поплелся спать. Рассвет закономерно отогнал липкое чувство страха, и приятный ветерок дал вво-

лю надышаться, расслабил, разогнал тревожные мысли.

Желание спать давило тяжелым одеялом, и, с разгона упав на шконку, я благополучно вырубился до обеда.

Проблема дневного сна в том, что, независимо от того, сколько ты проспал, всегда поднимаешься уставшим. А меня еще и разбудил Ерш неприятным запахом приготовленной макаронно-тушеночно-майонезной смеси, эдакой неаппетитной холестериновой бомбы, которую он по нелепой случайности называл едой (видимо, в силу трудной жизни не пробовав еды настоящей). Но день был еще в разгаре, так что я решил провести его с пользой, благо стояли в глубоком тылу. И, устроившись под навесом с книжкой, бутылкой воды и пачкой галет с яблочным пюре, я самоустранился от сверхважных задач по бурчанию в рацию, перекладывания журналов учета, журналов пойманных сигналов и прочей имитации бурной деятельности. Конечно, похождения Ходжи Насреддина были важнее: они вызывали улыбку и абсолютно точно смогли бы отогнать тревожные мысли об очередной ночи наедине с белым шумом. Если бы не одно но: была моя очередь пользоваться тогда еще невероятно медленным спутниковым интернетом, и меня дернуло залезть на форум радиолюбителей. Глубокий форум, такой в дизайне сайтов нулевых годов, где сидят дядьки глубоко за 30, 40, 50 лет. Где обсуждался феномен электронного голоса. Где я и столкнулся с рекомендацией не оставаться на частоте, где его слышишь больше 10 секунд, где при чтении описаний того,

что люди слышали, пробивала дрожь, и я возвращался к тому моменту, когда помехи усмехнулись у меня за плечом.

В вечерних сумерках, опускающихся на лесопосадку, открытый настежь люк мотолыги виделся мне входом в карцер. Жуткая черная квадратная яма с редкими всполохами диодов приборов в глубине.

На экране мигали частоты, вечер был плодотворным и активным, перехваты, перехваты и еще перехваты. Судя по возбужденной реакции командира, удалось даже перехватить что-то серьезное, враг проговорился о своей позиции, но ближе к полуночи все успокоилось, а болтовня в эфире снова уступила место статике. Никаких разговоров, никаких голосов, треск помех, гул мотолыги да бульканье закипающей воды в чайничке на газовой конфорке. Мне прислали всяких занятных приправ к чаю – вроде мяты, бергамота, имбиря, всяких сушеных ягод, так что я решил устроить филиал зельевара в середине рабочей смены, поставил приборы на автоматический перебор частот и, слушая эфир вполуха, наслаждался чаечком и листал сохраненные новости в телефоне, когда краем глаза уловил артефакт. Мигающий сигнал. Отслеживаемая частота работала. Редко, очень редко использовался этот тумблер, отдавая сигнализацию о наличии возмущений компьютеру. И тут до меня дошло: вчера, дернувшись, я долбанул по ручке настройки так, что случайно оставил закладку на той самой частоте, на том малюсеньком промежутке, где декларировало ОНО. И это снова было

там.

Манило, звало красным миганием диода.

Генератор (огромная, весом за тонну силовая установка) резко со скрежетом ушла в аварию, погрузив стальной ящик десанта в темноту, оборвав трансляцию, но то, что я там услышал, заставило меня, отбивая лоб, плечи, руки, ноги об стены узкого прохода, пульей вылететь из мотолыги, чуть не сломав пальцы о рычаг двери, головой вперед вывалиться из десантного люка, задыхаясь, держась за сердце, мечтавшее вырваться из клетки ребер. Обливаясь ледяным потом и преследуемый захлебывающимся злым гоготом, я буквально почувствовал вонь дыхания смеющегося, настолько четко звук лился из допотопного наушника. Я пытался вдохнуть полной грудью и впитывал тишину, простую тишину летней ночи с шелестом ветвей и далекими ударами артиллерии, шуршанием ночных тварей в кустах и уханьем совы или какой-то другой птицы.

Я не знаю, что это могло быть. Нервное перенапряжение, феномен электрического голоса, радиодемон или идидот, решивший повеселиться на низких частотах. Зато я знаю, что генератор ушел в аварию, потому что предохранители на чувствительной аппаратуре буквально расплавились за несколько секунд. И что на принимающей антенне сломался вибратор, отвечающий за ту жуткую частоту. И что каждую ночь на аппаратуре вопреки всем действиям загорается красный диод, говорящий, что на той частоте кто-то есть. Но

попасть на нее уже не получится, так как антенна не принимает ничего. Но где-то в недрах машины срабатывают датчики, которые зажигают тот огонек, напоминая, что бездонный мертвый спектр хочет поговорить.

Урочище

Даже на войне мало кому доводилось ночевать одному. Дело в том, что почти всегда на интуитивном уровне мы чувствуем близость людей. Рядом, в одном блиндаже, на соседней койке, да даже если люди метрах хотя бы в ста, уже ощущаешь себя причастным, близким. Но есть опыт, который никогда не сотрется из памяти. Уникальный. Трансцендентный. Когда на километры вокруг нет никого – и ты один на один с собой в блиндаже.

* * *

– Да чего ты разгоняешь, ну? Не одни же сидим. – Яблоко потянулся за кружкой чая, параллельно с жутковатым хрустом размяв шею.

Кадающая блиндажная свеча еле-еле освещала их блиндаж. Сломанный генератор уже второй день не подавал признаков жизни, несмотря на усилия Зубастика – их механика, который уже до винтика расколупал несчастный агрегат, но так и не нашел поломку.

– Не, ну тогда страшно было, прикинь, поле, посадка – и ни-ко-го. Вообще. Тока псина воет за горелым хутором.

За неимением никаких других развлечений их тройка травила байки, пересказывала пересказы историй, а порой

они просто ныли друг другу про нелегкую судьбу солдатни, уставшей от перегруза и серой поздней осени с этой вот мерзкой стылой мокрой погодой, когда каждый выход наружу сопровождался стучащими зубами, противным чавканьем грязи под ногами и безрадостным небом, с которого постоянно падала мелкая склизкая морось, вроде незаметная, но мгновенно покрывающая одежду тонким слоем влаги.

Пренеприятно.

Яблоко, Зубастик и Зеленый, названный так за то, что приперся на мобилизацию с внушительным зеленым ирокезом, по идее, работали. Но за неимением генератора, замену которого им должны были привезти только завтрашним утром, страдали от ничегонеделанья, старательно сохраняя заряды в рациях и телефонах, коротая время, когда им уже не о чем было поболтать, за скачанными книжками и сериалами.

– Слух, Яблоко, ну вообще, если вдуматься, оказаться одному вот в такой ситуации будет действительно жутко. – Зеленый принял у товарища кружку чая и отхлебнул, передал Зубастiku вместе с куском припасенной шоколадки.

– Ээээ, брат. Жутко – это другое, это как в урочище!

– А что за урочище? – Зубастик оживился, услышав начало новой байки.

– Гадкое место, не знаю просто, как его назвать иначе. Прочитал в книге какой-то название в свое время. Показалось тогда, что прекрасно подходит тому месту...

Зеленый сидел, привалившись к дереву, и изнывал. От пота чесалось все и сразу, без остановки и согласия. А это еще не все, еще идти и идти. Он расположился у начала спуска в «Конченную котловину», как ее прозвали челноки, – здоровенную овальную впадину посреди холмов, приобретшую нехорошую славу за нелепое совпадение нюансов, которые в ней имелись.

Во-первых, немаленькая котловина была напрочь лишена деревьев, но компенсировала это буйным ростом кустов мутантского непонятного вида, местами шипастых, порой тонких и хлестких, норовивших ткнуть веткой в глаз, поставить подножку, но при своей густоте не дающих вообще никакого укрытия от дронов сверху.

Во-вторых, туман. В долбаном распадке постоянно стоял туман. В теплые дни он собирался ближе к самой глубокой его части, центру, а вот во влажные дни (которые тут вообще не редкость) мог превратить овраг в натуральное парное озеро, клубящееся и проникающее за шиворот гадким студеным конденсатом. Да еще и видимость в такие дни падала до десятка метров, туман кутал дорогу бесцветным тюлем, давил на глаза, душил.

Ну и в-третьих, посреди распадка, чутка в стороне от солдатской тропы, был небольшой заброшенный погост, кото-

рый суеверным солдатам не добавлял настроения в пути.

И вот Зеленому теперь тащиться по узкой тропе на следующий склон прямо через этот злосчастный овраг.

От печальных раздумий о своей нелегкой доле его оторвал хрипящий мат, шум и топот. Грузный Яблоко, безнадежно отставший от него, наконец дошел до привала.

– ФУУУУУ! Как же я задолбался! – обессиленный челнок скинул рюкзак и с размаху плюхнулся на зад рядом с Зеленым. – Можно больше нет?

– Можно, только нельзя. Ты как?

– Да сдал я чего-то. Давно не ходил на такие расстояния. – Яблоко развинтил пробку на фляжке. Глотнул. Протянул Зеленому. – А это че?

– Спасибо, – Зеленый хлебнул, во фляжке оказался зубодробительно сладкий холодный чай, чуть ли не на четверть заправленный лимоном. – Туман. Че, не видишь?

Сегодня туман сгустился ближе к центру котловины и казался не таким густым, стелящимся ненамного выше кустов, которые своими верхушками напоминали какую-то фантазмагоричную картину из Стивена Кинга.

– Дык солнце же светит, че он стоит-то.

– Ябл, я те че, метеоролог, мне откудова знать, есть и есть. Вообще место плохим считается, его даже не особо суеверные по краю обходят, но мне в лом лишние несколько километров наматывать еще и по холмам.

Место, конечно, выглядело жутковато, но в целом обыч-

но. Никаких границ пожухлой травы по краям, да даже надоедливый кустарник, если вдуматься, был нагромождением кучи недоразвитых деревьев, мусорных растений и прочего будущего хвороста. Просто унылый распадок, в котором постоянно стоит плохая погода. И еще заброшенное кладбище. Чего они, мертвецов бояться будут? У них проблем с живыми навалом, чтоб о таком париться.

Минут двадцать они еще просидели под ворчание Яблока о путях местных и о том, на чем и сколь быстро он вертел хохлов, которые заварили фигню, из-за которых он, товарищ Антонов, был вынужден нахаживать тут километры по жопе мира.

– Двинули уже. – Зеленый помог Яблоку накинуть рюкзак, накинул свой, подтянул лямки, поправил дробовик на плече.

– Ты первый. Я в этом урочище ни разу не был.

– В чем?

– В жопе у тебя. Пошли.

По мере спуска вниз воздух тяжелел и наливался влагой, запахом прелых растений, мокрого чернозема, легким ароматом гнили, становился прохладнее. Два вспотевших мужика вдвойне оценили понижение температуры. Зеленый зябко поежился и попытался отлепить от тела футболку, но сделал только хуже. Потеряв контакт с телом, пропитанная потом одежда сразу остывала и при следующем прикосновении вызывала стойкие ассоциации с холодцом, приложенным к коже.

Тропа петляла посреди цепляющихся за рюкзак кустов, ее пересекали какие-то ручейки, журчание которых не вызывало никакой радости, а над котловиной периодически жужжали туда-сюда коптеры, заставляя их приседать, искать укрытия под чахлыми ветками растений, ровно до того момента, как они вошли в поразительно ровную границу тумана.

Облако накрыло их влажным покрывалом, будто отрезавшим звуки, размывшим цвета до мутных серых оттенков.

– Гадость какая... – Яблоко зябко поежился.

– Зато потише и не видно с воздуха.

– Так-то оно так, но все равно мерзко. Дышать тяжело.

Шаг за шагом, ориентируясь только на линию вытоптанной земли сквозь марево тумана, двое продвигались к противоположному краю серого озера.

Странный силуэт Зеленый заметил сразу, но в силу общей усталости и замученности среагировал не вдруг.

Посреди вязи ветвей в тумане явно было кто-то или что-то, плотное, осязаемое, стоящее не на тропе, а в стороне в буреломе.

– Яблоко, зырь. Это че за?

– Где? А. Да. ЭУ! ДРУЖОЧЕК! ТЫ КТО? ЧЕ ВСТАЛ КАК ИСТУКАН? ЗАБЛУДИЛСЯ? ИДИ СЮДЫ, ТРОПА ТУТА! – Яблоко достал телефон из кармашка и начал махать им с включенным экраном, привлекая внимание силуэта.

– Дурак, что ль?! Перестань, вдруг хохол?!

– Да какой хохол, в тылу мы, че ты. Да и не стал бы он так

стоять, спрятался бы. НУ ЧЕ ТЫ ЗАМЕ... Охуеть!

Силуэт метнулся вверх.

– Не, ну ты видал?! Это че за хрень?! Это как, это кто?

– Да я почему знаю, ослина, птица, может.

– В гробу я таких птиц видал, что размером с человека!

Че за дичь, пошли отсюда!

Странный инцидент придал им сил, и они двинулись было далее, но тут Зеленого будто ушатом ледяной воды обдало.

– Ябл. А тропа где?

– Да в смысле – где, вот же...

Вытоптанной полосы не было. Просто не было, парни стояли в небольшом прогале посреди кустов на подстилке из опавших листьев и грязи. Причем вокруг не было даже их следов, которые показали бы, откуда они пришли.

– Зеленый, это дьявольщина какая-то, давай двигаться.

– Да куда?!

– Да насрать! Мы примерно близко к центру, куда ни пойдешь, рано или поздно выйдем.

– Логично. Я вообще не понял, когда мы с тропы ушли.

– Давай прямо. Просто прямо.

Ох какое же это было «прямо».

Ходьба по тропе-то тяжела из-за постоянно цепляющихся ветвей, а вот необходимость пробираться через бурелом вызвала ком в горле и острое чувство бессилия. Ветки, порой колючие, постоянно цеплялись за одежду, норовили вырвать глаз, расцарапать кожу, периодически отвешивали обидные

подзатыльники.

– Да какого?!

Спустя минут двадцать пробирания через бурелом они буквально выпали на тот же прогал, с которого начинали. Понятно это стало по их следам и раскуроченным кустам, через которые они пробирались.

– Зеленый, ты как нас водишь? По кругу прошли.

– Реально. Не понимаю. Я же следил, чтоб следы не заворачивали и мы шли по прямой. Пошли снова, только ты следы тоже...

Его план прервал хруст ветки. Не такой, как если она сама сломалась, но характерный щелчок переламываемой ветви, на которую наступили тяжелой стопой. Оба бойца вскинули автоматы, рефлекс, забитые в голову реалиями войны, не оставляли там места мистическим инсинуациям.

– Стой, кто идет?! – Яблоко гаркнул хоть и громким голосом, но все же в нем не было больше той панибратской уверенности, что раньше. – Отвечай, урод!

Никого.

Вообще.

Там, где должно было быть движение, клубился туман и проглядывали силуэты кустов.

– Зеленый, пошли, тут стремно.

И, развернувшись, они было двинулись к старому проходу в кустах, когда прямо посреди него снова мелькнула та же тень. Быстро и резко ушла из поля зрения.

– ВОТ СРАНЬ! ЧЕ ЗА ЧЕРТОВЩИНА?! – на этот раз нервы сдали у Зеленого.

* * *

– Ну, че вы замолчали, душителы?! – Зубастик, удобно расположившийся в уголке, укусил печеньку и хлебнул подостывший чай. – Че там за лешего встретили?

– Да погодь. Понимаешь, мы когда двинулись, еще пару кругов навернули, пока не попробовали идти в обратную сторону. Мы и новые пути пытались продрать, но один хрен все на эту полянку три на три метра вываливались. Потом поперлись в обратку. По старому проходу, но в противоположном направлении, у меня уже, если честно, начали силы кончаться, но потом мы вышли, угадай, блин, куда?

– По закону жанра – на кладбище?

– По закону жанра трое мужиков, сидящих в яме, обязательно находят опущенца, а ты среди нас самый мелкий. Но вообще да, на кладбище.

* * *

– Зеленка. Мы в паршивом хорроре? Мне не нравится, переснимайте.

– Сам в шоке.

Они встали на небольшой поляне, заросшей сорной травой, разделенной тут и там ржавыми оградками да покосившимися надгробиями. Здесь было чуть светлее, но картина веселее не становилась. Грустный мрачный погост, покинутый, оставленный и забытый.

– Слух, ну это неплохо на самом деле. Мы хоть понимаем, где мы сейчас и где че.

– Это как?

– Ну, смотри, кладбище находится примерно в центре, но немного смещено на северо-запад, а покойников хоронят головой на запад, крест в ногах ставят. Так что, по идее, нам вот туды надо. По сути, мы сейчас от тропы метрах в ста максимум.

– Какие прекрасные, блин, новости! А че делать с тем, что стоит нам в кусты зайти, и нас разворачивает на случайное количество градусов?! И летающей херней?! И я жрать хочу уже!

– Поешь на ходу.

– На кладбище?! В такой обстановке?

– Мертвым плевать, вон, заделись с ними шоколадкой, если стесняешься.

Яблоко развернул «Сникерс», пожал плечами, отломил кусок и положил на краешек покосившегося надгробия.

– Так сказать, от нашего стола к вашему, только нас есть не надо. – Он откусил. – Лан, Желеный, пыфли.

Резкий химозный запах накрыл их, стоило им перейти

границу зарослей. Впереди, там, где должна была быть тропа, алели огоньки.

– Ну че опять?! Адские ворота? Черти котлы топят?! – Яблоко дожеввал шоколадку и, возмущенно распиная кусты, пошел вперед. – Ну че, черти, я тут, задолбали, идите сюда, рога вам с жопой местами менять буду!

– Идиот. – Уставший Зеленый двинулся за ним следом.

В какой-то степени Яблоко оказался прав. Действительно – черти, только не те.

Тропинка на добрых пару метров была покрыта все еще тлеющими ожогами. Влажный туман сдерживал огонь, но пламя выглядело непростым.

– Зеленый. Это че... Тут «дракон» летал, что ль?

– Походу. Распылял зажигалку...

– А вот эта хрень, что нас водила по туману, че, получается, не жрать нас хотела, а дальше от тропы вела?

– Чтоб я знал.

– Пойдем, я вторую шоколадку на могиле оставляю...

– Идиот, пошли быстрее, пока ничего не приключилось, потом занесешь, они оттуда никуда не уйдут.

* * *

В блиндаже на пару мгновений повисла тишина, которую прервал гогот Зубастика:

– Мля, парни, вы, конечно, те еще брехуны, – механик от-

кровенно веселился, – мертвяки вас от поливания огненным дерьмом отвели? Ну вы даете. Заплутали, потерялись и придумали историю! И че, много кого они так спасли?

– Смейся, смейся. А много ли кого там из дронов жгли?

– Ну, так-то оно так. Но мертвяк, который решил солдата из-под огня вывести...

– Зубастик. Мы ж на обратном пути заглянули туда, Яблоко загорелся еще их угостить чем-то. Знаешь, кто там лежит?

– Ну, удиви. Небось, ветераны... Да лааадно. Бреешь.

– Именно. Там могилы красноармейцев, почти половина. А та, на которую он шоколадку положил, вообще женщины-партизана. Вот и думай теперь, что это было.

– Да че тут думать, – пробасил Яблоко. – Я ей в следующий поход через это место цветов в поле набрал, одно дело – женщина, ей приятно.

– Ну, военные, вы, конечно, и вытравили. Это ж надо, души вас вывели, но жутко, это правда. – Зубастик безуспешно размял больную шею. – Да че ж такое!

– А?

– Да фиг знает. Шея болит уже неделю, хрустит вся, хребет как будто сместился.

– Попроси пластырь греющий.

– А так можно?

– А я не знаю.

– Иди в жопу, Зеленый. Насоветуешь еще, блин. Буду хо-

дить скрюченный, с ручками как у тираннозаврика.

– Как в «Очень страшном кино»?

– Ага.

– Ты вроде свою байку начинал травить. Вон, ложись пока, все равно делать нефиг. Да не на бок, на спину ляг. Вот, и голову назад немного. Легче? То-то же. Яблоко, дай ему свою маленькую подушку.

Зубастик устроился поудобнее, всмотрелся в отблеск окопной свечи на потолке. Краем глаза он видел ее беспокойное пламя, слушал потрескивание картона, чувствовал приятный запах воска, в который какой-то неизвестный волонтер далеко-далеко добавил какую-то ароматную штуку. От свечи пахло хвоей и непонятной специей. Честно говоря, Зубастика не особо нравился этот запах, но факт, что кто-то заморочился, просто чтоб сделать их жизнь чуточку менее вонючей, грел ему душу. Он бы не догадался.

– Зубастый, не спи, рассказывай, нам тоже скучно.

Он повозился, скинул с ног берцы, укрыл ступни тряпьем – и начал.

Зубастик

Дима в бытность свою студентом стоматологического отличался острой любовью к нуарным фильмам, книгам, плохим сигаретам и образу мрачного детектива, который ему, впрочем, в силу рахитичного телосложения особо не шел, но как задел на зрелость, в которой ранняя седина и морщинки обещали ему образ утонченного седоватого мужчины, весьма и весьма импонировал.

Параллельно, чтоб помогать родителям оплачивать свое обучение, он шабашил в автомастерской, сначала на «принеси-подай-иди в жопу-не мешай» позиции. К третьему курсу понял, что, в принципе, обладает второй профессией. Ему рукоплескали преподаватели, мастера на подработке доверяли самостоятельную работу, а судьба рисовала перспективу блестящей карьеры если не в стоматологии, то хотя бы в сфере обслуживания авто, куда его по мере приближения выпуска постоянно зазывали на постоянку.

Но так уж вышло, что на следующий же год после окончания учебы он обнаружил в ящике повестку на мобилизацию. Сказать, что Дима был расстроен, – ничего не сказать. Карьера дала заднюю, не успев начаться, но так уж он решил, что бегать не будет и необходимость есть необходимость. Да и молод он еще. И красив. И вообще наверстает. Наверное.

Спустя три года слегка подрастерявший позитивный на-

строй, но все еще храбрыющийся Зубастик сидел в штабе батальона, выслушивая задачу. Прийти, подготовить позицию, ждать. Ничего не делать. Никуда не уходить. Блиндаж есть, все есть, только сети натянуть, только вычистить жилое помещение. Ему, конечно, выдали киловаттного малыша-генератора, но выглядело все уныло донельзя. Пара дней у черта на куличиках. Не то что опасно, но оставаться на несколько дней одному казалось Зубастiku таким себе приключением. Он благоразумно отпросился в магазин в ближайшую к лагерю деревню, закупился там вкусняшками, заморочился, скачал в телефон парочку аудиокниг и утром следующего дня уже закидал свою поклажу в «уазик», который должен был доставить его прямо на позицию.

Зубастiku как человеку в целом некапризному нравились поездки по бездорожью, но в этот раз он, невыспавшийся и опечаленный перспективой кукования в одиночестве, был не в духе, вяло поддакивал шуткам водилы, раздражался от мерзких звуков, которые издавала коробка автомобиля, и вообще был не в настроении.

Спустя полтора часа печальный, словно тысяча некормленных котиков, Зубастик с фонариком шарился в блиндаже, удовлетворенно понимая, что уборка тут в принципе не требуется, так, выкинуть какой-то мелкий мусор, старые спальные, протопить и просушить. А жить тут можно.

– Это где вообще было? – Зеленый прикинул, где могла находиться позиция, но все-таки решил уточнить.

– Восточнее Кривошеевки, там несколько полей есть пустых.

– Понял, да.

– Короче говоря, я тогда весь день возился, растягивал сетки, топил блиндаж, ну, ты понимаешь. Решил пройтись по посадке и понял, что она вообще пустая. Полностью. Гробовое ни-фи-га.

Вот тут жуть навалила. А уж когда смеркаться начало, я совсем выпал в осадок.

– А тебе не пояснили, в чем срочность была одного гнать на точку, если экипаж потом добрался через пару дней?

– Ну, извини, я че-то очканул подполу указывать, что мне не нравится.

– Пахнешь слабостью.

– Иди ты.

– Лан, лан, расслабься, прыгай уже к тому, с чего начал.

– В первую ночь меня еще только слегка накрыло. Во сне.

Тревожное чувство перед сном в одиночестве – это вечный спутник солдата в таких обстоятельствах. Но в этот раз чувство было другим, плотным, не дававшим уснуть. Нарастающая паранойя складывала далекий грохот артиллерии в осмысленный барабанный бой, шум ветра снаружи сплетался в шепот, и не крыса шуршит в накате, это шелест одеяний неведомого существа, сквозняк стал его мокрым холодным дыханием, а собственный пульс слышался Зубастiku стуком в импровизированную дверь. Изнутри блиндажа.

Сон пришел тяжело, несмотря на усталость, натужно принимая его в свои объятия лишь затем, чтобы спустя пару часов он с испуганным мычанием проснулся в холодном поту. Во сне к нему пришел кто-то. Открыто, не таясь, на свету, заливавшим посадку, к нему во сне шел оборванец с закрытыми глазами и окровавленным лицом, тянущий к воину руки. И в тот момент, когда он приблизился, когда протянул руку с чем-то похожим на склизкий мешочек к лицу Зубастика, когда незнакомец открыл пустые глазницы и осклабился, Дима проснулся.

– На хрен такие сны, на фига оно вообще! Фу, бя! Чур меня! – Зубастик еще прилично матерился, наконец нащупал в кармане телефон, включил аудиокнигу и так и уснул снова до рассвета под бормотание диктора, отгоняв-

шее странное наваждение.

Утром все было тихо. Невыспавшийся солдат заканчивал приготовления позиции, даже выкопал приличное отхожее место, обслужил генератор, твердо решив в следующую ночь спать с электричеством. Доложив о готовности позиции порации оперативнику, он уже было попрощался, когда Каземат, дежурный, внезапно спросил:

– Ты там как? У тебя голос, как будто по башке били весь день.

– В порядке. Мерещится ночами всякая стреманина.

– Бывает. Помолись.

– Я в такое не верю. А неверие автоматически аннулирует смысл, так же?

– Нет. Попробуй. По крайней мере, доказательств, что отказ от молитвы кому-то помог, я не знаю, в отличие от обратного.

– Ну тебя, софист¹⁰! Все, отбой.

– Береги себя.

Вечер наваливался на сознание горбатым китом, выброшенным на берег. Тяжелым мокрым шершавым ощущением,

¹⁰ Софисты – представители философского течения в Древней Греции. Общей чертой их был релятивизм – представление об отсутствии абсолютной истины и объективных ценностей. Софисты также занимались преподаванием красноречия, помогая своим ученикам находить в спорах аргументы в пользу любых, порой даже противоположных точек зрения. Ложные аналогии, двойные стандарты и круговая логика, приводящая разговор к первоначальной точке, считаются типичными чертами софистических рассуждений.

конвульсивно отдающим чувством страха. Зубастик не нравилось. Но ночь – дело такое, хочешь не хочешь, а она придет, как ни крути, так что он запустил генератор, заботливо спрятанный в приямок, подпер дверь изнутри бревнышком, закутался в спальник и начал читать.

Около десяти его начало клонить ко сну, и он как-то незаметно для себя задремал.

Разбудил его грохот упавшего бревна. В темноте он не сразу сориентировался, не понял, что видит. Пока не сообразил, что дверь в блиндаж настежь открыта, генератор не работает, а из прохода льется ледяной лунный свет.

– Че за... – мысль прервала тень, не мелькнувшая, а медленно проплывшая в проходе, снаружи, мимо входа, достаточно, чтоб точно понять, что рядом кто-то ходит. Звуки, что там, где там, как там... Что-то нарезало круг вокруг блиндажа, шелестело ветвями, приближалось ко входу... Вновь тень медленно плавно проплыла мимо луча света, идущего из прохода. Вытянув руки вперед, словно тот незнакомец из сна.

* * *

– БУУУУУ!!! – Яблоко сделал смешную физиономию и вытянул руки перед собой. – Зацени глазааааа, пааааарень! Уууууу!

– Кретин. Я там чуть себя наизнанку не родил от страха,

а ты ржешь.

– Ага, а как над нашей историей угорать, так ты горазд!

– Вот скажи: где в тот момент сидел Каземат?

– В дежурке.

– Да, а в какой?

– Штаб... Ох ты ж е-мое. Как он тебе тогда ответил?

– До меня дошло только недели три спустя, что он вообще отсутствовал на той волне, по идее, я тогда подошел, спросил, он даже разговора не помнит, хотя признал, что вполне мог бы такое сказать. Он же набожный.

* * *

Зубастик не умел молиться. Не знал ритуалов, не понимал их смысла и причин.

Просто по наитию, сначала про себя просил спасти и сохранить, помиловать, потом шепотом, потом вслух, потом просто орал во всю глотку, срывая связки, подчиняясь глубокому инстинкту, культурному коду, забитому поколениями предков на подкорку, простые слова, не сложенные в красивые формы. Просьба простая, честная, отгоняющая страх своим звуком, словно огонь в первобытной темноте, пламя, что поставило человека выше хищников. Могучая молитва, корнями уходящая в древность.

Зубастик выкрикивал простейшие слова, просил о милости, пока не охрип. Но и тогда он шептал молитву как умел,

всматриваясь в проход, ожидая страшной тени. Но она пропала, отогнанная. И спустя пару часов в проходе уже замелькали отблески фар, рисующие на стенах фантазмагоричные узоры тенями ветвей. Машина! Приехали ребята.

– Ооо, Димасик, ты че такой бледный? – огромный толстоватый Сопя посветил ему в лицо фонариком, заставив скорчиться.

– Уснуть не могу.

– Ну ясно, давай в машину, меняемся.

Напоследок Зубастик посветил фонариком туда, где шлась тень. Не было ни натопанной тропы. Ни поломанных веток. Ничего, могущего подтвердить, что ему не привиделось.

* * *

– Делааа, – Зеленый задумчиво поковырял в носу. – Как думаешь, что это было?

– Откуда же знать. Событие из категории «черный прапор». Загадки и глюки солдатской шизы.

– Нуууу, знаешь, шиза не шиза, а откуда-то же эти байки рождаются.

– Как думаешь, это был не сон?

– Думаю, что-то среднее. Я и сам насмотрелся на некоторое дерьмо, и не поверить в подобные истории для меня сложнее. В отрыве от цивилизации начинаешь иначе видеть

мир.

В этот момент что-то холодное и склизкое прилетело прямо в щеку обалдевшего Зубастика.

– ЗАБЕРИ МОИ ГЛАЗА, МААААААЛЬЧИК! – из-за занавески раздался замогильный хриплый голос.

– Ну. Кретинизм тут тоже цветет и пахнет, – Зеленый снял с плеча Димы остывший чайный пакетик. – Вот, например, Яблоко: вроде большой, но идиот идиотом. Да?

Зубастик обиженно глянул на Яблоко:

– Вот кидаться было не обязательно. Я дернулся, и шея сильнее заболела!

– Ох ты ж маленький, шейка бо-бо! – съязвил здоровяк.

– Все, отставить страдание херней. Спать пора, мужики. Я подежурю пока, а вы спите.

И Зеленый полночи слушал, как препирается эта парочка.

Тяга

Туманный рассвет серостью своей отогнал ночь, но Зеленому казалось, что в темноте было даже больше красок, чем в таком утре. Там хотя бы свет фонарика был каким-то контрастным и радостным. А тут... Как говорит Яблоко: «Мне не нравится! Переделывайте». Вот, кстати, и он: кряхтит, тащится, жирнич.

– Я устал, делайте мне «Харьковщина Spa Resort»! Желая греться в ванной, трогать женщин за всякое и не париться.

– Ага, только генератор донесем.

Из утренней дымки доносился рокот квадроцикла, и по характерному посвисту радиатора можно с уверенностью сказать, что это к ним.

– Как думаешь, он будет драться?

– С чего бы?

– Ну, ты на землю посмотри и представь, как ему катиться пятнадцать километров по туману и слякоти, еще и груженому. Мне кажется, если он нас проклянет, то мы легко отделаемся.

В тумане показалась пара огоньков. Противотуманные фары могли бы неплохо выдавать его положение в молочной дымке, но не нашлось бы сейчас дрона, который бы смог добраться до их позиции по такой погоде. А потом из тумана показался ком грязи. Ну, точнее, ком грязи налип на квад-

роцикл и его ездока, но выглядело это как...

– Жесть. Ну и дерьмодемон к нам едет! – Яблоко, как всегда, не стеснялся в выражениях и эпитетах.

Наконец транспорт подкатился к парочке, и из него с укоризной после снятия кучки грязи, в которые превратились очки, глянули два сердитых глаза.

– Че лыбьтесь, сволочи? Агрегат сломали – и стоят такие. Ждут. Улыбаются, ха-ха-ха, смотрите, лошара приехал, весь в говнище.

– Успокойся, брат мой! Мы просто рады тебя видеть!

– Яблочный, иди, обниму! – из комка грязи высунулось что-то, что должно было быть руками водителя.

– Не-не-не, атстаааа...! – Яблоко отшатнулся, и ему прямо в центр куртки прилетел ком чачи, брошенный Тягой, то бишь водителем. – Мля, тебе и ответить нечем. Масло масляное какое-то будет.

– Ладно, военные, че встали, генератор вот тут привязан, под пленкой, я ее ща срежу, а вы тащите, я пока припаркуюсь.

– А ты остаешься?

– Угу.

Пока Тяга возился с квадриком, прямо руками снимая грязь с тех мест, где ее быть категорически не должно, Зеленый с Яблоком перетаскивали новый генератор и рюкзак, который, несмотря на свою сварливость, им притащил Тяга, набив его всякой приятной снедью, теплыми носками, сига-

ретами, баллончиками с газом, к блиндажу. Поручив Зубастикку обслуживать новый агрегат, направились было к парковке, где занимался водитель, но он опередил их. На ходу скидывая грязную одежду, он подошел к парням, коротко поприветствовал Зубастика, с которым вечно ругался, но все же пожал руки всем троим.

– Пошли-ка внутрь. Замерз, как потаскуха на Невском.

– Че, Тяга, вспоминаешь прошлую работу? – гыкнул Зубастик.

– Вспоминаю, как тебя отогревал, малыш.

– Сволочь.

– Педик.

– Вот и поговорили. – Яблоко шутливо подтолкнул Тягу к блиндажу. – Пошли, простынешь, а у меня там чаю есть попить.

В хорошо протопленном блиндаже Тяга сидел в одном исподнем, прихлебывая чай и безуспешно пытаясь размять похрустывающую спину, когда лампочка под потолком мигнула и засветилась. К ним вернулось электричество.

– Ну наконец-то. Ща глянем, че ты там приволок! – Зеленый брезгливо оттянул запачканный клапан рюкзака. – О, а это че?

– Ты говорил, что у полудурка на Зубастом шея болит, я у начмеда мазь с кетопрофеном попросил.

– Добрая ты душа, а с виду злобный такой. Ну что поделать, милые бранятся – только любят.

– Иди ты!

В блиндаж завалился Зубастик, вымазанный в масле и явно пахнущий топляком. Первым же делом был раздербанен рюкзак, честно поделены вкусняшки, натянуты свежие теплые носки. Яблоко объявил благодарность с занесением в личное дело, нарек Тягу героем галактики за привезенные ништяки и, наконец, дал уставшему водиле вздремнуть под хруст упаковок шоколадок, шум запускаемой аппаратуры, посвистывание чайника и отчеты по рации.

* * *

– А че ты остался-то, а? – Зеленый протянул свежеразогретый чебурек Тяге, тянувшему кофеек из поллитрового ведра, которое Яблоко по нелепости называл кружкой.

– Та я уже вторые сутки туда-сюда гоняю без отдыха, так, поспал несколько часов – и снова в дорогу, а мне еще отпустика завтра с утра забрать надо с Лимана. Ну я и попросил у вас перекантоваться, отдохнуть, а то я в лагерь вернусь – и снова: ехай, привези, сопроводи, доставь и вот это вот все.

– А, ну, как обычно. Ты спать еще будешь?

– Ближе к вечеру отобуюсь, подъем в 4 утра будет. Как у вас тут дела в целом?

– Нормально, только скучно было без дела сидеть.

Яблоко оторвался от аппаратуры и буркнул, что им-де байки и страшилки травить приходилось, пока Тяга тащил

свою ленивую жопу к ним, и вообще: не нравится ему, Яблоку то бишь, сидеть без электричества и интернета – и могли бы и побыстрее прислать дырчик.

В блиндаж завалился Зубастик с бутылками воды, при-
тащенными из колодца, выкопанного в близлежащем забро-
шенном хуторе.

– Чертова погода, сколько можно слякоти! – Кое-как
страхнув ботинки, он плюхнулся на лавку.

Так они и сидели тихо под шум печки и писк аппарату-
ры. Кто-то залипал в телефон, связываясь с родственниками,
докладывая, что все хорошо, кто-то бурчал в рацию, давая
отчеты по аппаратуре. Тяга просто пил кофе и жевал жир-
нящий чебурек, прикидывая по карте, как бы ему добраться
до следующей точки, не угодив в топь и избегая открытых
пространств, вспоминая ту поездку, что добавила ему седых
волос.

– Парни, а че вы за страшилки травили тут?

– Да всякие, знаешь, про Конченую котловину, про мужи-
ка без глаз.

– Ля, а хотите, расскажу свою?

– Оооо, ща, ща, ща! – Яблоко оживился. – Чай ставьте.
Сейчас послушаем!

Он деловито пододвинул ящик поближе к Тяге и принял
позу Вилли Вонки, изображая чрезмерную заинтересо-
ванность.

– Хотя погодь! ВО! Так лучше! – в довесок он повернул

настольную лампу так, чтоб она бросала загадочные тени на лицо рассказчика. Тяга ухмыльнулся и принялся рассказывать свою байку.

* * *

Летняя ночь хоть и была теплой и нежной, все равно напрыгала эдаким чувством нависшей угрозы. Свет фар выхватывал кусок дороги, быстро утекающей под бампер квадроцикла. Знай себе держи руль, не пропусти яму да катись. Но Тяга был напряжен, хоть и ехал в глубоком тылу, ведь нет-нет да и залетит порой «Баба-яга» глубоко к ним или камикадзе настигнет зазевавшуюся машину. А уж про дистанционное минирование вообще думать не хотелось в ночи на большой скорости. Но, как ни крути, задачу ему поставили, и пришлось пилить на точку с раненым впотьмах, благо его вытащили «на ноль», да и не особо тяжелым он был. Речь шла не о спасении жизни, а о спасении ступни, но и оно того стоило.

И все же тревога, на самом деле довольно обычная для ночных покатушек, давила на него. Тут мало было не попасть под дрон. Еще бы и не перевернуться на ухабах, не заблудиться в одинаковых полях и посадках да не напугать каких-нибудь новичков, которые не раздуплили, где они, кто тут может быть, и не словить пулю. Нервная работенка, короче говоря, присыпанная изысканными специями мелких,

но таких навязчивых «а что, если».

Тут и там в посадках мелькали признаки жизни: вот мелькает луч фонарика, вот постового выдает огонек сигареты, а вот вообще машина стоит, внутри горит свет. Но по мере приближения к «нулю» таких моментов встречается все меньше и меньше. Все тише и тише становятся солдаты во тьме ночи по мере приближения к «передку». Только он тахтит на квадроцикле, спешит, гонит забрать раненого, сопровождаемый периодическими запросами по радиии: то ротный нервничает, беспокоится за него, ну правда, как насадка, стыдящаяся собственного приказа ехать в ночь.

Очередная кочка выскочила из темноты, но привычный и резкий Тяга виляет, обходит ее, слегка подсветив поле, и что-то на миллисекунду показалось в свете фар среди диких трав, лишь на мгновение белесый свет выхватил странный сгусток темноты там, где должен был осветить лишь стебли сухих растений.

* * *

– Хе. Полуночница! – Яблоко, который, как ни странно, грыз яблоко, поставил диагноз.

– Не, Полуночница – это баба в платье же. А то было – как сказать... Типа животного.

– Верволк! Я те говорю, это хохлячий Псоглавец! – гыкнул Зеленый.

– Я в сортах говна не разбираюсь, отстаньте. Факт есть факт: мелькнуло что-то, я в тот момент заметил, но значения не придавал, мало, что ли, кабанов тут бегают и собак?

Зубастик потянулся и выдал длинную тираду о том, что, помимо прочего, здесь ходят еще и табуны одичавшей скотины. Иногда в деревнях заплутавшая коровка могла и кабелю растоптать, а в Куземовке вообще есть позиция «Корова 200», где одичавшая испуганная корова по необычному течению обстоятельств погибла, закрыв солдат от осколочного снаряда. И если придавать значение каждому животному, слоняющемуся по степям, то можно словить шизу, стать алкашом и умереть в нищете.

– Ну, ты в целом прав, да. Я и не особо зациклился и добрался до «нуля», забрал Тихоню без приключений.

– Кстати, как он сейчас?

– Писал, что женился, ногу сохранили, но восстанавливаться будет пару лет, так что отвоевался он, в части с палочкой станет дослуживать.

– Ну и хорошо, настрадался парнишка.

* * *

Парни погрузили Тихоню на квадроцикл, примотали его ремнями. Раненый боец стонал и все тянулся к бинтам, огромным окровавленным коконом охватившим ногу ниже колена. Он все причитал, что не хочет быть калекой, просил

помочь, в полубреду от боли, страха и промедола просил за-
щитить ему ногу.

Сослуживцы подбадривали его, говорили, что хоть и сши-
вать там толком нечего, даже если ногу потеряет, получит
позывной «Терминатор», поставят ему прикольный протез
– и вообще ща ого-го какие штуки делают, еще вопрос, что
лучше: остаться хромоножкой или носиться с железной но-
гой.

– Тихонька, если отключаться начнешь, прямо на меня па-
дай, я тебя рукой буду придерживать, до лагеря гоним без
остановок, будет больно, но терпи. Ногу вот так. Да не так,
бля! Вооо, вот так держи, а то я тебя постоянно задевать бу-
ду, чтоб не болело лишний раз. Ну, ты готов?

– Нет.

– Ну и славно, погнали.

И снова дорога, уходящая под квадроцикл, снова ямы, но
каждое взбрыкивание на кочке сопровождалось стоном Ти-
хони.

Тяга очень радовался, что все проходит без задержек, без
дронов и всякой неприятной фигни, но в какой-то миг...

* * *

– Мужчины, вот помните момент, когда спускаешься в ни-
зину со стоячей водой – и сразу вот это неприятное чувство
накрывает: влажно, холодно и вонюче. Вот, короче, где-то

на половине пути меня накрыло чувство, что я в такую низину въехал. Хотя мы, наоборот, ехали на возвышенности, где, знаете, за Лес Поповым дорога, не бетонка, а перпендикулярная, проселочная.

– Да! Понял, там еще Байбак недалеко прошлой зимой на квадрике в лужу нырнул, мне рассказывали, все тогда над ним угорали, он даже в телевизор попал с видео с камеры своей.

– Во. И там вообще высоко, так что холода быть не должно было.

* * *

Легкая летняя форма ни разу не уберегала от стылого воздуха, на скорости превратившегося в натуральный ураган, и Тяга моментально замерз. В ухо водиле простонал Тихоня, положивший голову ему на плечо:

– Че происходит, мне холодно, я умираю!

– Не очкуй, это ветер холодный, я тоже чувствую.

– Правда?

– Да правда, не мешай!

И в этот момент откинувшийся на спинку раненый начал брыкаться и истошно орать.

– ГОСПОДИ, ЧТО ЭТО?! ГОНИ, ТЯГА, РЯДОМ С НАМИ ЧТО-ТО БЕЖИТ.

– Че ты несешь, юродивый? – Тяга коротко обернулся –

и увидел.

Несколько крупных теней неслись в темноте рядом с ними. Ровно, мощно, сравниваясь по скорости с квадроциклом.

– Какого... – Тяга бросил взгляд на спидометр: скорость 50.

– Тягочка, миленький, это за мной бегут, забрать хотят, разгонись, пожалуйста, прошу, умоляю! – Тихоня начал сдавать. Даже через бронезилет он чувствовал, как раненый сослуживец дрожит, как дергает ремни, которыми пристегнут к сиденью. – Скинь меня! Они же обоих заберут!

– РОТ ЗАКРОЙ, ПРОСТО СОБАКИ ГОНЯТСЯ!

– У НИХ ГЛАЗА ГОРЯТ! ОНИ НА МЕНЯ СМОТРЯТ!

Тяга не ответил, выжимая газ на полную, на огромной скорости маневрируя, пытаясь не оставить подвеску в очередном приямке или колее. Мотор орал, ревел, разгоняя тишину, перед квадроцикла поднялся на скорости вверх, снижая видимость дороги. 60 километров в час. 70. 80. 90. Дальше разгоняться у Тяги не хватало духу. Любой поворот, любая пропущенная кочка уже на таких скоростях могла перевернуть их, ровным слоем размазывая по шершавой проселочной дороге.

– ОНИ РЯДОМ! ТЯГА, НУ БЫСТРЕЕ, ОНИ НЕ ОТСТАЮТ! – Тихоня метался в ремнях, раскачивая разогнанный быстрее здравого смысла квадроцикл.

Тяга думал, пытался сконцентрироваться, найти решение проблемы. Рано или поздно дорога повернет, ему придется

сбросить скорость – или рискнуть и повернуть на скорости. Нет, нельзя, в одиночку он смог бы удержать квадрик, но не с брыкающимся и дезориентированным вторым номером. Да еще и раненым. И что тогда? Он не успеет достать оружие, а стоит ему затормозить, их настигнут. И что это за твари такие, что могут бежать под 90 километров в час? Гепардов тут, очевидно, не водилось. И тут ему на голову опустилась гениальная мысль. Там же тачка стояла где-то. По пути, причем по той дороге, где они ехали, он выскочит к той точке буквально в ближайшую минуту. Люди. Свет. Защита. Чего тут думать?! Тяга дал по газам, одновременно выжимая кнопку клаксона. «Ну же, где вы?! Ну, покажитесь!» Вот оно! Впереди мигнул фонарик, машущий им, подсветил откидывающуюся сетку гаража.

Визг тормозов, запах перегретой колодки – и квадрик влетел в капонир. И сразу же за его спиной раздались выстрелы. Тяга заглушил мотор и достал уже было оружие, когда снаружи гаража, метрах в 50, что-то рвануло. В гараж в этот момент вкатился яростно матерящийся мужик.

– Охуеть, парни! Вот вы на тоненького залетели!

– Че там?

Мужик посветил ему в лицо фонариком. Посветил на себя. Крупный дядька, прилично за 30, со щетиной и дорогушим теплаком, закрепленным на «Вепре».

– Да камик за вами пер. Ты по наитию гнал или че?

– Эмм. А собак или че-то типа того ты не видал?

– Не, только вы и дрон, который за вами гнался. А ты че, с собакой гоняешь?

– Не, просто вроде стая псин каких-то рядом бежала.

– О, брат, эка тебя переклинило. Ох, едрить! Это раненый у тебя? Гони быстрее, гараж наверняка спалили, могут еще налететь, Бог вам в помощь, ветер в спину.

* * *

– Мда... – Яблоко почесал бороду. – Наши черти нас берегут.

– Ага. И вот что странно. Я их видел, Тихоня видел. А мужик, который нас прикрыл, нет.

– Так они вас подгоняли, считай, прямо на чувака с теплаком выгнали, а если бы ему показались, думаю, он бы на них смотрел в первую очередь, а не на небо, а так прущий на всех парах квадрик, сигналивший в ночи, – это явно повод посмотреть, не гонится ли за ним дрон, логично же, ну?

– Логично. А красиво сказал. Наши черти нас берегут, а?!

– Это все оттого, что я мастер словесности и красивого слога. Ептыть.

– Почтительно, братан, почтительно! – Тяга изобразил восхищенные аплодисменты, на что Яблоко развел руками, словно стоял перед толпой восторженных фанатов.

Тяга курил в ночь, прислушиваясь к небесам, пытаясь отделить мерещащийся звук дрона от рокота генератора.

– Да тихо все, че замер? – Яблоко вылез из блиндажа, зябко поежился и протянул термос Тяге. – На вот. Фирменный, мой.

– Спасибо. Че там, перекличка? Все спокойно?

– Тихо все. Рацию слушай, если что, маякнем.

– Спасибо.

Тяга засунул термос за пазуху, накинул дождевик, который ему выдали на точке. Квадроцикл утробно уркнул, рыкнул и заворчал. Впереди был многочасовой переезд по болоту, которое упрямо называли дорогой. Медленно, аккуратно, надеясь, что очередная лужа не будет двухметровой ямой, заполненной вонючей ледяной водой.

– В добрый путь! – Яблоко махнул ему тусклым фонариком. – Береги себя!

И Тяга тронулся.

У Коли, как, впрочем, и у всех мужиков, были мечты. Персонально его – переехать жить к теплому морю, занять небольшой домик, много денег, хорошую машину, семью, пару ребятенков, вот это все. Но годы шли, рост цен немного обгонял рост его доходов, и как-то так получалось, что он оставался на каком-то среднем уровне жизни. Не бед-

ствовал, конечно. Неплохая машина, однушка в Купчино, немного свободного времени. Но шли годы, то там засбоило колено, то позвоночник заболел, то мигрени, а все вокруг него оставалось каким-то статичным. Перспективы карьерного роста – такие себе. Начальник (типичный Кабан Кабаныч) стабильно награждал за успехи в работе увеличенным количеством задач и поручений. Без роста зарплаты, конечно же.

Да и жену он все никак не мог найти, хотя присматривался, общался. Нет, встречались прекрасные добрые женщины в его окружении, но Коля и сам был не подарок. Не клеилось – и все тут, то он накосячит, то девушка. Так и тащился один по жизни.

* * *

Коля никогда особо не вникал в ситуацию на Донбассе. Да, знал, что там творится жуть, но это все казалось таким далеким, какими-то заграничными разборками, чужим конфликтом. И начало СВО для него стало шоком. Из каждого утюга орали, что все плохо, «мы все умрем» и вообще это крах и капец. Он не верил, но обстановка становилась все более нервной.

Внезапно во всех курилках главным предметом обсуждения стала война: с разных точек зрения, с разным подходом. Коля тогда занял позицию центрального. Война – это плохо, но

раз началась, надо впрягаться. Летом он начал заниматься разным полезным. Вozил гумку в выходные, мутил всякое, помогал как мог. Ровно до того момента, пока к нему на работе не подошел коллега и не хлопнул по плечу:

– Колян, слышь, тебя в бухгалтерию вызывают. Злые какие-то, ругать что ль, будут.

Он шел по коридору, перебирая в уме, где мог так накосячить, что его лично вызывают, и не находил. Не понимал, что происходит.

– Николай, здравствуйте. Спасибо, что быстро пришли. На Ваше имя прислали повестку на мобилизацию.

* * *

По рации буркнуло предупреждение о дроне, а вскоре ожил «Булат», маякующий, что где-то (пока еще далеко) летит вражеский дрон.

Тяга коротко ругнулся и свернул в сторону посадки, ныряя под кусты.

Одна из самых неприятных вещей в ночных пролетах дронов – полное отсутствие зрительного контакта. Когда вражеская «птичка» близко, ее шум становится настолько объемным, что понять, где она, достаточно сложно. Вот и сейчас Тяга, сидя под деревом метрах в тридцати от квадроцикла, гадал, пошел ли дрон на атакующий вираж или просто покружил над посадкой и сейчас улетит дальше по своим де-

лам. Штука привычная, но все равно нервная. Визг моторов удалился, снова приблизился, сместился дальше. И начал за-
тухать. В рации раздавались доклады, предупреждения. Чер-
тов дрон двигался буквально в том же направлении, куда ему
нужно было ехать, пока наконец его не поймали глушилкой.

Где-то вдалеке раздался взрыв, а вслед за ним: «Чисто!
Чисто! Чисто!» – с разных концов участка.

И снова квадрик выкатился в грязную дорогу. Мелкая
морось оседала на очках, но Тяге было спокойно. Он ехал
по хорошему маршруту. Не самому быстрому, но зато всегда
рядом с какими-никакими укрытиями, где можно было пе-
реждать налет дронов.

Тягу задолбали мрачные пейзажи, задолбало вечное ожи-
дание налета, но он ехал.

* * *

«Пазик» вез Колю от военкомата на сборный пункт, а он
сам никак не мог осознать, что с ним происходит. Не видел
он себя военным, не понимал, как может им стать и что ему
вообще предстоит. Периодически звучали бравурные храб-
рящиеся выкрики будущих солдат. Но в каждом восклица-
нии он слышал буквально то же, что было и у него на душе:
страх и дезориентацию. Впрочем, ему повезло. На одной из
транзитных остановок к ним подсаживали других солдат, и
в итоге он сидел рядом со здоровяком с бородатой бандит-

ской рожей и тощим парнем с кислотно-зеленым ирокезом. Бородач угостил их едой и чаем из термоса, пустился в интересные рассуждения о том, что их ждет. Мрачноватый паренек, немедленно заработавший кличку «Зеленый», в основном бурчал, но не было в нем какой-то депрессивности, копошившейся в Коле.

* * *

Тяга остановился в точке назначения и выдохнул. Поездка немного походила на ту, страшную, и он ненароком даже побаивался обернуться, чтоб не увидеть снова странные силуэты рядом. Но все было тихо.

Судя по тому, что признаков жизни в посадке не имелось, отпускник проспал, хотя в принципе это было не критично, все равно он планировал выдвигаться с рассветом, до которого оставался, по его прикидкам, еще час. Пусть поспит еще чуток.

Он нашел блиндаж, идя на звук генератора, забрался внутрь, пожал лапу дежурному, который немедленно налил ему чай и выдал всякой снеди.

– Уютно у вас тут.

– Спасибо, старались.

Блиндаж был закатан в фанеру, вместо нар стояли раскладушки, ящики из-под снарядов – только в качестве лавок, а вот стол был красивый, складной, чистенький, на нем

примостилась простенькая настольная лампа. Под потолком болтались какие-то душистые мешочки, отгоняющие спертый аромат солдатской землянки. Да и чай был явно непростой. Со всякими приправами, корочками апельсина.

– Клааасс... – Тяга удовлетворенно протянул ноги, прихлебывая зелье. – Как делишки у вас?

– Да повадились сюда артой накладывать, боюсь, как бы смещать точку не пришлось. Хотя крайние пару дней затишье. Че там у Зеленого? У Яблока? Сам как?

– Да так же, скука, тухлятина, байки шизанутые травят.

– Типично! Ну как, давай растолкаю Тоху?

– Давай.

* * *

Коля потерял любые иллюзии насчет того, что все обойдется, когда комбат орал на них на плацу. Было очевидно, что они говорили на капитально разных языках. Им пытались донести что-то на военном, а они понимали только гражданский подход. Толпа разномастных мужиков, давным-давно разучившаяся ходить в ногу, одеваться, пока горит спичка, и терпеть унижения.

Для себя он, конечно, выработал режим защиты. Держались они вместе. Он, Зеленый и бородатый мужик, в довольно резких выражениях отказавшийся сбривать бороду и запустивший в какого-то мелкого вредного сержанта яблоком

в столовке. На дальнейший вопрос от офигевшего от неподчинения и хамства контрактника: «Это что было?!» здоровяк ответил: «Ты дурак, что ль, яблоко же!». Так он и получил свой позывной. Вместе ходили в наряды, вместе ночевали, чинили машины, ели, гуляли в свободное время. Просто делали то, что говорят (кроме сбривания бороды Яблоком, непробиваемый засранец стоял насмерть за волосню на лице).

* * *

Тоха сидел на квадрике, и в рассветной мгле его физиономия светилась от счастья. Отпуск же! Веселье оказалось разительным, и Тяга тоже повеселел. Бодро трывая за жизнь и за всю хурму, они катились по грязной дороге в сторону восхода. Восход обещал одному отпуск, второму перерыв в бесконечных скачках по размытой степи.

Лагерь встретил их рассветной мглой, легким снегом и «КамАЗом», рядом с которым столпились отпускники. Ждали только их. Тяга подвез Тоху поближе, поздоровался с пацанами, пожелал хорошего отдыха и, какой-то обессиленный, поперся к себе в блиндаж.

Поваренок, с которым он делил землянку, уже кашеварил, и, перехватив блинчик, Коля отправился досыпать свое. Все-таки на месте, которое он сам себе сделал для сна, как-то уютнее, и, упав на лавку, Тоха, по своему обыкновению, су-

нул под ухо тихо бубнящее видео, где какой-то чувак рассказывал про космос. И уснул.

Медвед

Очнулся он глубоко за полдень, и так не хотелось ему вылезать из теплого спальника. . . Однако он знал, что если пролежит еще, потом весь день будет маяться от болей в голове и шее. Ну его. Так что, закутанный в спальник, как гусеничка, он вылез на кухню, где собрались за просмотром сериала ребята из соседних блиндажей. Поваренок отложил ему блинчиков, выдал полбанки сгущенки и заварил крепкого кофе. Уютно, тепло, вкусная еда, выспался. Тяга, несмотря на свой довольно вредный характер, был доволен.

Телек крутил какую-то полусмешную фигню, сослуживцы громко гоготали, поэтому Коля решил оставить их и пойти в свое самое любимое место в лагере.

Таким местом была мастерская, где на постоянной основе обитали два возрастных мужичка, что-то паяли, крутили, собирали, чинили. Там пахло озоном, оловом, дешевыми сигаретами, крепким растворимым кофе, пылью и спокойной рабочей обстановкой. На полках валялись дроны, подавители дронов, всякие непонятные примочки, антенны, ну прямо радиорынок в посадке. Но главное, и самое прекрасное, что в их блиндаже был настоящий диван! Не прелое чудище из руин, а честно привезенный из мебельного магазина в Троицком диван.

Коршун и Медвед, как всегда, тихонько спорили, броса-

ясь заклинаниями наподобие «искусственная земля!» «стабилитрон!» «ЕСП-32!» и прочими ругательствами, в которых Тяга ничего не понимал. Настолько они увлеклись этим процессом, что даже не заметили, как он вошел.

– Привет прогрессорам! Опять дуэль устроили?

– Здравствуй, Коля! Накатался? Нагулялся? Пришел диван нам просиживать? – Коршун подбоченился и с отцовским укором глянул на Тягу. – И позволь, ты без гостинцев?!

– Бездельник и тунеядец ты, Коля, мог бы пожилым и колбасы приволоочь! – Медвед картинно обиделся и погрозил пальцем.

– Вы че, пенсия, офигели, я с задачи!

– Отнекивается все! Вы посмотрите-ка на это хамло.

– Ладно, падай! И рассказывай, что там на свете хорошо? – Коршун расплылся в добродушной улыбке. – Чаю будешь? Мне тут жена передала конфет вкусных всяких, вот там в коробке, угощайся.

– Спасибо, дядь Саш, не откажусь.

Коля черпнул из коробки пригоршню конфет, зацепил пачку печенья с шоколадной глазурью. Саша тем временем хлопотал над чайником. Эта парочка часто любила изображать из себя стереотипных старых сварливых пердунов, но по факту они скорее ощущались как радушные деды, которым очень нравилось проводить время с молодежью, хотя они стеснялись признаться в этом и себе, и другим. Два инженера-конструктора, на чьем счету, пожалуй, было больше

спасенных жизней, чем у любого эвака. Их поделки-дроны, которые они собирали и чинили, доставили настолько невообразимое количество грузов, что медициной, скинутой на голову раненым, можно было бы заполнить «КамАЗ», едой накормить полк, а уж простенькие, но рабочие глушилки, которые они делали, вообще были предметом грызни между солдатами. Каждый хотел себе такую, но очередь есть очередь.

– Как там Яблоко и Зеленый? Довез генератор? – Медвед глянул на него поверх полуразобранного «мавика», оторвался от пайки и начал сворачивать себе папиросу.

– Довез, куда б я делся. Парни хорошо. Им, как ты говоришь, «время без интернета» на пользу пошло.

– Ого, и как это?

– Та они повадились страшилки травить друг другу, может, че насочиняли, но живое общение.

– То-то же! Без этих ваших жвачек для мозгов, конечно, творчество просыпается.

Саша принес им три кружки чаю и тоже начал возиться с самокруткой.

– Тебе сделать, Коль?

– Не, я со своими.

– Ну, как знаешь, у нас табачок-то домашний, приятный.

– Ох, дед, так и манишь, ну, давай, давай! – Коршун снисходительно улыбнулся и выдал ему сигарету.

– И что там за страшилки у мальчишек твоих такие страш-

ные?

– Я не слушал, только про свой случай рассказал, помнишь, тот, с Тихоней?

– Да, да, знаю, слышал.

– Я тебе говорю! Бесы это все были. Бесы всамделишные! – Медвед, начисто пугающийся всего непонятного, перекрестился. – Нехорошо такую дьявольщину хвалить, это им только и надо!

– Михал Толич, ну чего ты, в самом деле, я ж алтарь им не ставлю!

– Вот и не думай даже, иначе я тебя бревном по башке огрею, забудешь, с какой стороны срать надо, а с какой жрать!

– Че-т Миша раздухарился. Да, дядь Сань? – Тяга с подозрением глянул на возбуждающего Медведа.

– Ну так он всю жизнь сталкивается со всяким. Вон, подружка твоя, Зубастик, который ему рассказывал дичь разную в свое время, так Миха его в церковь силком гнал, считай. Вообще, он насмотрелся, что уж тут. Три войны человек видел, шапка набекрень давно. – Коршун с задорным огоньком в глазах явно подначивал друга.

– Я те покажу набекрень, ломом по хребту отхожу, будешь знать.

– Да все, все, Михал Анатолич, никто тут не преклоняется перед чертями, успокойся! – Толику не нравилось то, куда несет инженера.

– Ты лучше сам расскажи, чего ты так шугаешься этого всего, а? – Саня подмигнул Коле, до которого дошло: он только что буквально развел друга на историю.

– Ох, сынок. Я не шугаюсь, не пугаюсь. Просто знаю, что обо всем этом лучше даже не думать. Понять этого мы не сможем. Даже разобрать, что это не от переутомления, во сне или наяву виделось и слышалось. Но я на трех войнах был, еще сопливый мечтательный юнец в Чечне на второй кампании, потом в Сирию занесло, и вот сейчас опять. И каждый раз там какая-то дьявольщина творится.

– А что-то из свежего есть? Ты ж особо из блиндажа не выезаешь.

– Это сейчас. А до ранения я вполне сносно бегал и прыгал, саперничал.

* * *

Тогда еще не ходивший вразвалку, а потому не называвшийся Медведом Михаил заработал прозвище Лапка. Инженерное образование было определенно огромным подспорьем в том, что он умудрялся обезвреживать даже самые хитрые минные заграждения настолько удачно и быстро, что сослуживцы все выпытывали у него, где он спрятал талисман из кроличьей лапки.

Впрочем, талисман у него действительно был. В замызганном портмоне лежали фотографии его совсем уже взрослой

дочери, жены и недавно родившейся внучки. Тепло и спокойно ему становилось от улыбок родных, пусть и застывших в фото. Но это все же, как он считал, было скорее островком его душевного спокойствия, а не оберегом.

Так или иначе, сейчас портмоне было глубоко в одежде, под броней. Он и еще несколько солдат битый час лежали в весенней слякоти под непрекращающимся обстрелом врага. Мины рвались в десятках метров от ямы, где они расположились, причем настолько часто, что если бы кто-то больше чем на двадцать секунд высунулся из укрытия, его бы точно настигло осколками. Лапка полулежал на спине, опираясь на рюкзак и раздумывая, как им обойти явно просматриваемый участок. Мрачная перспектива не дойти добрый километр до минного поля и уже валяться на земле ему не нравилась. Но каких-то других вариантов не просматривалось.

Мало-помалу, конечно, обстрел подходил к концу, но Михаил упрямо сидел и не высовывался, ждал, удерживал новичков (только-только заступивших на боевые задачи мобиков) от выхода из укрытия. И вот оно. Как и предупреждали сослуживцы, вслед за ветром послышался звук, похожий на жужжание шершня. Хохлы повадились проверять точки обстрела модными дронами. Один такой буквально заменял целое отделение разведчиков, и очень уж не нравилось старому солдату это нововведение. На них и гранаты подвешивали, и висели они в воздухе подолгу, и огонь корректировали. Допилят идею – еще и минировать начнут. Не дай Бог.

Вот работы будет выше крыши.

Коптер облетел посадку, где они притаились, повисел, спустился пониже, еще раз облетел и, наконец, начал стихать вдалеке.

– Ладно, сынки. Пошли.

– Какой я тебе сынок, а?! – Мигель, борзоватый шумный дядька лет сорока в модном обвесе, все время ворчал на Лапку.

– Да такой. Рожден, чтоб папке было стыдно. Заткнись и пошли, пока нас тут по новой не закрыли.

– Да ты! Я тебя...

Молодой, но очень крепкий пацан Сальто тыкнул его в бок.

– Да задрал собачиться, не время, пошли, мля.

Миша понимал. Не то чтоб он не злился на полудурка, но понимал причину агрессии: стресс, адреналин, страх, усталость. Все это смешивалось и выставляло напоказ человеческую натуру. Сколько он уже повидал таких зеленых «рэмбов», уже и не вспомнить. Зато очень хорошо помнится, скольких похоронили из-за такого вот поведения. А он... Что он? Каждую войну новый контракт, удивление военкома, оценивающего послужной список, предложение пойти на офицера, шутки про «бойся старика в профессии, где умирают молодыми», десятки представлений к наградам, ноль медалей. Да и не нужны они ему особо.

Он шел первым, медленно, выискивая на тропе растяж-

ки, пару раз попадались «лепестки»¹¹, но это все шляпа, он привычный, а вот с невесть откуда взявшейся растяжкой с натовским «клеймором»¹² пришлось повозиться.

Сальто во все глаза смотрел на то, как ловко Лапка накладывает заряд, аккуратно растягивает полевку к электроспичке. А уж от взрыва он вообще обалдел.

– Это они против человека так заряжают?!

– Ну, вообще это против отряда или легкой техники, а уж как оставили – это их дело.

В разговор вмешался злобный мужик:

– А че просто не рассек растяжку? Нахрена шуметь?

– У таких мин датчик обрыва есть, плюс даже если сейчас она не сработала бы, то не факт, что у нее часового механизма нет. Готов поставить на то, что она не сработает в самый неподходящий момент?

Постепенно мин становилось все больше. В основном всякая мелкая мишура из советского и американского дистанционного минирования, на которую хватало кошки или правильно кинутого груза, но еще пару раз попадались серьезные противопехотные мины, сильно задерживающие продвижение. В итоге к основной точке очистки, а именно небольшой пустой перемычке между посадками в каких-то 300 метрах от вражеских передовых окопов, они вышли уже

¹¹ ПФМ-1 – советская противопехотная фугасная мина нажимного действия.

¹² М18А1 «Клеймор» – американская противопехотная мина направленного поражения.

под вечер.

– Паршиво, парни. Очень паршиво. – Лапка растирал побаливающее колено. – Ночью не стоит работать, можно ручки-ножки уронить.

– И как быть? – Сальто беспокойно ерзал, пытаясь продышаться и параллельно внимать старику.

– Да никак, я просто хотел засветло закончить и подальше в тыл отойти, мало ли что. Но видишь, как получилось. Придется ночевать.

– С хера ли тут? Пошли обратно! – Мигелю явно не нравилась перспектива заночевать здесь.

– Можно, только далеко мы не уйдем, лишь силы потратим, ночью двигаться нельзя, спалимся. А вот обратно снова время можно потерять, за ночь все заминировать могут, еще хлеще причем. Так и будем туда-сюда шастать?

– Да!

– А штурм как бы послезавтра, парни завтра вечером заходят. Предлагаешь им пройти по неразминированной открытке? Эх ты.

– Ладно, ладно, я понял.

– Ну, раз пререкания кончились, пошли смотреть норы.

Рядом с посадкой тут и там виднелись окопы, и, несмотря на слякоть, они довольно быстро нашли более-менее сухие укрытия на ночь. Лапка залез в отдельное, а вот парни легли в одну лисью нору попросторнее. Один из двух входов в нее был обрушен, но темнело очень быстро, так что варианта

получше они найти не успели.

Лапка пытался подремать, однако сон не шел. Ночной холод коварно пробирался под одежду и немилосердно сводил уставшие ноги, несмотря на смененные носки. «Тяжко как, нахер я на эту авантюру подписался, немолодой уже, сейчас бы внучку нянчить, а я тут». Тяжкие мысли всегда лезут в голову в неподходящий момент. Но как же рыдала жена, как звала его старым дурнем, как его обнимала дочь с уже заметным животиком... Дочь казалась ему все такой же милой доверчивой девочкой, цеплявшейся за него в надежде не пустить. Коротко пожал руку зятю, которому Миша ответил подзатыльник, когда тот выразил желание пойти с ним. Лапка исполнил главное для мужчины: он сделал счастливой любимую женщину и состарился с ней. Увидел, как выросла его дочь. Вот ему и нехрен отлынивать, воевать он собрался всерьез.

Такие мысли лезли в его голову в те моменты, когда он был наедине с собой, когда никто не видел, как он прячет лицо в руках, сдавливая голову и пытается не разрыдаться, когда вся усталость, накопленная за пять с лишним десятков лет жизни, загоняет его в состояние отчаяния. Стоп.

Как ни крути, опыт сильнее любой горечи, накопившейся в душе. Старые солдатские рефлексy легко убирают из головы любую муть, любые тревоги, оставляя лишь концентрацию. Что он только что услышал? Звук шагов? Нет, нет, мелкий дробный звук бега. Зверек? Нет, нет и еще раз нет.

Зверь бежит на четырех ногах, а это звук не от лап, но от ног, влажно шлепающих по слякоти.

Лапка почти бесшумно накрыл полую куртки автомат, снял его с предохранителя так тихо, что и кошка бы не встрепенулась, но звук появился снова. Ближе! Еще ближе. Что-то на коротких ножках бежало к окопчику, в норе которого он лежал. Вот сука! И тут оно прыгнуло. В лунном свете мелькнула маленькая тень, и звук раздался с противоположной стороны, удаляясь прямо к заминированному участку.

Лапке стало не по себе, старый солдат весь обратился в слух. Что происходит? Что-то носится вокруг окопов. Двухное – не зверь. Маленькое, но не ребенок. Ни один ребенок не может быть здесь. Для взрослого слишком короткий шаг, да и тень мелькнула маленькая. Судя по звуку шагов, там вес не больше тридцати кило.

Миша лежа выглянул из «лисей норы» и ощутил себя как в могиле. Ровные стены окопа создавали прямоугольник с куском освещенного луной неба. Снова звук приближается. Замедляется. Останавливается прямо над поспешно задвинувшимся обратно в нору Лапкой и внезапно прямо перед его лицом в грязь шлепается какой-то круглый предмет, забрызгав ему лицо вонючей жижей.

– Твою ж мать! – Лапка отшатнулся, больно приложившись башкой об потолок норы, и, обдирая кожу, пополз ко второму выходу из нее. Он узнал этот грязный предмет – мина. Эта херня притащила к нему гребаную мину, заблокиро-

вав выход из блиндажа.

– Мразь, мразь, мразь! – Вытолкнув себя из узкого запасного выхода, Михаил вскочил на ноги, целясь автоматом поверх окопа, выискивая приколиста. – Сука, ну где ты, давай, слабо под автоматом пошлепать?!

Тишина.

Гробовая тишина, которая, если вдуматься, вообще не свойственна этим местам. Всегда есть шум ветра, чириканье птиц. А тут... Как будто уши подушками зажало, он буквально слышал свое сердцебиение.

«Так, Миша, спокойно, вдруг привиделось, надо проверить, ты уже старый, сны наяву видеть начинаешь». И он двинулся к месту, откуда уполз. Так, вот оно, вот что-то темное в темноте; Михаил присел, достал фонарик и коротко подсветил им. Бля! Это действительно была мина, чертова «помка», причем, судя по всему, взведенная, и как не рванула при падении, не иначе как Бог уберег... На этот раз звук послышался прямо из окопа. Шлепки удаляющихся шагов. Лапка, резко обернувшись, на секунду включил фонарик, чтоб увидеть, как за поворотом окопа исчезает склизкая серая в белесых волдырях спина.

– Господи, помилуй! – Миша перекрестился и нервно сглотнул. Хрень почесала в сторону, где спали его парни. Если она и туда накидает чего-нибудь, то все, они не выберутся, у них пути отхода нет. А если по пути че-т положит? Мля, стоять точно нельзя, и Лапка аккуратно, до рези в глазах

вглядываясь под ноги, двинулся к лежке своих сослуживцев. Шаг, еще шаг, медленно, вот какой-то сгусток темноты на дне окопа, лучше перешагнуть. И снова. И опять. Паранойя или реальная опасность, как знать, но Михаил буквально на цыпочках перешагивал любое подозрительное пятно, так, на всякий.

В конце концов он таким манером и добрался до отнорка, где похрапывали его парни. Ближе ко входу дрых Сальто.

– Эй, проснись, пацан, – Лапка тыкнул сослуживца. – Не спать, бля!

Сальто дернулся, непонимающе глянул на товарища.

– Че, уже вставать пора?

– Да. Тут шастает кто-то, знает, что мы здесь. Нужно сме-
ститься.

– А дроны?

– Если нас зарежут в норах, дроны покажутся фигней. Буд-
ди Мигеля – и выдвигаемся.

И в этот момент Лапка уловил движение краем глаза, под-
нял взгляд и увидел.

На краю окопа сидела, будто на корточках, маленькая фи-
гурка, ярко очерченная лунным светом, но черная, мрачная.
Стоило ему увидеть, как чертенок буркнул что-то и быстро,
очень быстро смылся куда подальше, шлепая по грязи и шур-
ша жухлой травой.

Лапка застыл.

– Э, Мишань, че с тобой? Мигель, проснись, блин! Че-т

не так!

– Там это... Черт.

– Кто?

– Говорю же, черт.

– Слышь, ты башкой приложился, что ль? – Мигель вяло ворочался и, судя по голосу, был недоволен, впрочем, как всегда. – Окстись, старпер, какой черт?!

– Натуральный, маленький, серый. Носится тут, мины перекладывает.

– Капец, выдали деда с ранним маразмом!

Даже Сальто, довольно уважительно относившийся к Мише, выбравшись из норы, посматривал на него со смесью недоверия и сочувствия.

– Где там чертик твой? – молодой пацан осмотрелся по верху окопа.

– Да вот тут вот был...

И действительно, там, где сидел силуэт, в свете тактикульного красного фонарика Мигеля виднелось два странных следа. Один больше, другой меньше. На одном шесть пальцев, на другом три, будто указательный и большой срослись, а мизинца не было и в помине.

– Дииииичь. Че за мутант такой?! – паренек, рассматривающий следы, почесал голову. – А ну как это ребенок Маугли какой?

– Дурень ты, пошли отсюда, подальше от мин.

И в этот момент рвануло. Резкий свет от взрыва, грохот,

резкая боль в ушах и глазах.

– ХОДУ! ХОДУ! ХОДУ! – Миша дернул Сальто в глубь окопа и побежал. Не глядя под ноги, он несясь глубже к посадке. Несмотря на увесистую экипировку, Мигель гнал впереди огромными скачками, когда в один момент под его ногой раздался резкий щелчок, он в ужасе остановился, а Лапка, повинаясь инстинкту, упал на живот, утягивая Сальто за собой. Взрыв и очень быстрый стрекот осколков по стенам окопа сменились нечеловеческим воем Мигеля.

– Сука! Аптечка на спине, снимай – и бегом вязать его.

В свете фонарика, который уже не пытались даже прикрыть, Миша срезал истерзанный бронежилет, к счастью, принявший на себя большую часть урона. Видимо, это была «лягушка», или печально известная «вдова». Взрыв произошел на уровне живота мужика, зацепив пах, ноги и покрыв лицо, плечи. Но основной удар приняла на себя плита.

– Сальто, у него осколок в шее. Мотаем прямо поверх, не достаем, я не знаю, пробита артерия или нет, вот, держи магазин, прижми сюда...

Пару минут спустя стонущий Мигель болтался между сослуживцами, за руки и за ноги уносящими его в глубь леса.

«Полный пиздец». Старик понимал, что просрал эту задачу. Понимал, что, скорее всего, не успеет дотащить сослуживца до врачей. Понимал, что буквально все ошибки, которые мог допустить, допустил, что подвел салага. И понимал, что они спалились.

Первый прилет застиг их на половине пути до укрытия. Визг, разрыв. И снова. И еще. И еще. Но они бежали. На подгибающихся ногах, хрипло дыша, они уносили раненого подальше от страшного места. И в какой-то момент их настигли. Миша почувствовал, будто в одночасье его ногу заморозили и кинули в кипящее масло, споткнулся, упал – и вторил стону Мигеля собственным криком.

– Мишань, что такое, что случилось?! – Сальто подскочил к нему и, порывшись, достал фонарик. – Ох, е-мое...

Колено Миши было пробито насквозь. Адская боль терзала старика, мучила, крала дыхание.

– Я тебя перевяжу, дядь Миш, только не выключайся.

– Пацан, вали отсюда. Бери Мигеля и тащи один, пересидите в блиндаже – и, как посветлее станет, уходи с ним. Если умрет – уходи один! Один, ты слышишь?! Не геройствуй, выйди, доведи начальству, что мы облажались.

– Но...

– Я тебе не лошадь, Вали отсюда, пиздюк. Я сам как-нибудь.

Сальто секунду постоял, достал из подсумка промедол, протянул товарищу.

– На вот. Не умирай только.

– Катись уже...

И молодой пацан, вечно с открытым ртом выслушивающий брзжание Миши, крякнул, приподнял Мигеля и почавкал вперед.

Михаил не смотрел им вслед. Он всадил в плечо шприц с обезболом и начал мотать пробитое колено. Кровотечение было слабым, но нога болталась как на соплях. Кровоостанавливающее, бинт, два магазина по бокам колена, еще бинт. А вокруг рвались мины, рвались, давили на уши, с каждым прилетом сердце пропускало удар. Вот же твари.

Ну и плевать. Он воевал, когда вээсушные говнюки еще под себя ходили.

Михаил достал фонарик, примотал к нему бечевку, повесил на сук светильником вверх, включил. И пополз. Нужно, чтоб они продолжали бить по этой точке, не смещались, искали их там, где их нет, нужно, чтоб пацан успел дойти с раненым до блиндажа.

Несмотря на обезболивающее, нога адски болела, мучила его, не давала встать на четвереньки, и Лапка полз, опираясь только на руки. Любая ямка, любое дупло, что угодно, чтоб спрятаться, и... вот оно. Раскуроченное поваленное дерево, оставившее после себя вонючую дырку в земле, в которую и забился Миша, лег на спину и дал себе потерять сознание.

Проснулся он от тяжести. Попробовал открыть глаза, но в них моментально набилась земля. Он попытался пошевелиться, но на грудь что-то давило. Закашлялся, и ногу от произвольных сокращений пронзила такая боль, что дыхание перехватило.

Лапка попробовал поднять руку, чтоб отряхнуть лицо, но что-то твердо прижало ее обратно к земле. Это не просто тя-

жесть, что-то будто сидело у него на груди, что-то живое, не дающее ему пошевелиться, давящее, рассматривающее его. Сколько времени? Еще ночь? Или уже рассвело? Сколько он валялся в отключке, и что, во имя всех святых, расселось у него на груди?! И прямо вот сейчас будто тыкало пальцем ему в шею, дышало, слегка возилось. У Михаила не было сил даже попытаться отбросить лапку, которой оно удерживало его руку, не то что отогнать существо, так что он просто терпел, пытался шептать молитву, но в рот сразу набивалась грязь, и он кашлял, порождая новые вспышки боли в колене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.